

На правах рукописи

Личак Наталия Алексеевна

**ОРГАНИЗАЦИЯ СОХРАНЕНИЯ
ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ
В 1920–1930-Х ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГУБЕРНИЙ
ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ)**

24.00.01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

Ярославль
2016

Работа выполнена на кафедре отечественной средневековой и новой истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

Научный консультант: Почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор исторических наук, профессор, **Иерусалимский Юрий Юрьевич**

Официальные оппоненты: **Липский Владимир Николаевич** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Академия Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий»;

Пермиловская Анна Борисовна доктор культурологии, главный научный сотрудник лаборатории биоресурсов и этнографии ФГБУН «Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики Российской академии наук» (Архангельск);

Соловьева Светлана Владимировна доктор философских наук, доцент, проректор по научной работе и международным связям ФГБОУ ВО «Самарский государственный институт культуры»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»**

Защита диссертации состоится 21 октября 2016 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.307.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук при ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» по адресу: г. Ярославль, Которосльская набережная, 46-в, ауд. 506.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» по адресу: 150000 г. Ярославль, ул. Республиканская, 108 и на сайте – <http://yspu.org/>.

Отзывы на автореферат присылать по адресу: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108. Диссертационный совет Д 212.307.04.

Автореферат разослан « ____ » сентября 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат искусствоведения

Д.Ю. Густякова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и значимость темы исследования заключается в том, что сохранение губернских памятников искусства и старины Центрально-промышленной области в 1920—1930-х гг. являлось составной частью общероссийского культурного процесса, действенным рычагом развития общества, важнейшим хранилищем исторической памяти страны. Памятники искусства и старины как составная часть историко-культурного наследия вобрали в себя ту часть многогранного опыта общества, которая была необходима человеку, позволяя проследить неразрывную связь времен. Тот круг объектов, что не входил в состав понятия «памятник искусства и старины», переставал быть единицей культуры и, в конечном счете, прекращал свое существование.

Последние годы характеризуются более осознанным отношением к памятникам истории и культуры как фактору государственной стабильности и развития. Современная ситуация в деле сохранения объектов культурного наследия России определяется значительным разрывом между желанием общества оберегать, эффективно использовать полученные в наследство памятники и реальным состоянием дел в этой области. Помимо этого на современном этапе следует говорить о практиках «оживления прошлого» как о единственных реальных механизмах сбережения памятников, поскольку их полноценное сохранение невозможно без включения в современную культурную жизнь, без понимания обществом их ценности и значения. В связи с этим ни в коей мере нельзя игнорировать исторический опыт сбережения провинциальных памятников искусства и старины 20—30-х гг. XX в. как репрезентативный.

Проблема исследования определяется, во-первых, сложностью выявления, необходимостью изучения и систематизации знаний о трансформации исторической ценности памятника искусства и старины в условиях его сохранения в Центрально-промышленной области (ЦПО) на протяжении 1920—1930-х гг. Данная задача выражалась, во-первых, в том, что он служил носителем информации о прошлом, т.е. историческим источником. Во-вторых, определялись закономерности и причины эволюции памятникоохранной деятельности государственных и местных органов власти Центрально-промышленной области в условиях жесткой централизации советской власти. В-третьих, анализировались результаты попыток научных специалистов и священнослужителей сберечь музейные принципы в противовес разрушительным действиям идеологизированных чиновников.

Целью диссертационного исследования является изучение историко-культурного опыта организации мероприятий по сохранению памятников искусства и старины государственными и местными органами власти, музейными специалистами и краеведами Центрально-промышленной области в 1920—1930-х гг. и комплексное исследование эволюции памятникоохранной деятельности в контексте выявленной специфики

сохранения (разрушения) памятников искусства и старины в губерниях исследуемого региона в 20—30-х гг. XX в.

Задачи исследования.

1. Исследовать изменения историографических подходов к изучению системы государственного руководства сохранением памятников искусства и старины губерний Центрально-промышленной области с начала 1920-х гг. до настоящего времени, способствовавших расширению источниковой базы, переосмыслению многих устоявшихся оценок и историко-культурных концепций, повышению объективности исследований; ввести в научный оборот новые исторические источники, изученные в государственных и региональных архивах, проанализировав процесс сохранения памятников искусства и старины в 1920—1930-х гг.

2. Определить принципы формирования и развития понятия «памятник искусства и старины», сформулированного в государственных нормативно-правовых актах и регулировавшего отношения в области сохранения памятникоохраняемых объектов, отобразив новый методологический и концептуальный подход в унификации исследуемого культурно-исторического феномена в 1920—1930-х гг.

3. Применить междисциплинарный интегративный подход к научному исследованию организационных основ государственной политики сохранения памятников искусства и старины в губерниях ЦПО, используя научный аппарат для выявления историко-охранной специфики 1920-х гг.

4. Выявить своеобразие формирования разветвленной сети памятникоохраняемых органов на местах, эффективность проводимых мероприятий по сохранению оказавшихся под угрозой гибели культурных ценностей в годы гражданской войны;

5. Проанализировать деятельность провинциальных музеев как самостоятельных научно-просветительных и исследовательских центров, которые в условиях реорганизации органов охраны, кадровых перестановок, остаточного принципа финансирования и политики, осуществляемой в отношении церкви в 1920-х гг., сыгравших значительную роль в сохранении памятников искусства и старины ЦПО.

6. Определить специфику мероприятий губернских органов власти по массовому выявлению и обеспечению сохранения памятников искусства и старины губерний ЦПО в 1920-х гг.

7. Охарактеризовать особенности участия в реставрационных работах местных органов власти в 1920-х гг. в губерниях ЦПО, творческая инициатива которых была предопределена результатами деятельности сотрудников Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе РСФСР в ходе комплексных научных экспедиций.

8. Проследить направления поддержки губернскими комиссиями процесса музеефикации религиозных ценностей в условиях изменения отношения власти к памятникам искусства и старины в губерниях ЦПО в 1922 г.

9. Систематизировать сведения об активных действиях местных органов власти по сохранению памятников усадебной культуры при размещении на их территории музейных экспозиций в 1920-х гг.

10. Раскрыть особенности процесса уничтожения памятников храмовой архитектуры как «не имевших высокой ценности» в условиях «воинствующего безбожия».

11. Сформулировать принципы комплексного подхода к исследованию, переучету и сохранению музейных ценностей, разработанного на основе критериев разделения архитектурных объектов на категории, подготовки первого государственного списка советских памятников 1938 г.

12. Охарактеризовать деятельность специалистов в деле сбережения памятников искусства и старины как фактора интеграции региональной краеведческой среды в 1930-х гг.

Объект исследования – процесс сохранения памятников искусства и старины губерний Центрально-промышленной области, развивавшийся на единых основах государственной политики с учетом региональной специфики.

Предмет исследования – деятельность государственных и местных органов власти, музейных специалистов, представителей церкви и общественности в ходе реализации государственной политики сохранения памятников искусства и старины Владимирской, Ивановской, Костромской, Тверской и Ярославской губерний Центрально-промышленной области.

Территориальные рамки диссертационного исследования определяются границами губерний ЦПО. При установлении пределов изучавшихся территорий были использованы принципы современного и дореволюционного экономико-географического районирования¹. Согласно «проекта районирования» Госплана 1920 г., Ярославская и Рыбинская губернии вместе с соседними — Владимирской, Калужской, Костромской, Московской, Нижегородской, Тверской и Иваново-Вознесенской как имевшие много общего в своем экономическом и историческом развитии должны были входить в Центрально-промышленную область². Однако в 1920-х гг. административно-территориальные границы ЦПО подвергались частым изменениям³. При определении территориальных рамок исследования следует учесть Постановление Президиума ЦИК от 14 января 1929 г., на основании которых — Александровский, Владимирский, Кинешемский, Костромской, Рыбинский, Шуйский, Ярославский и Иваново-Вознесенский округа вошли в Ивановскую промышленную область (ИПО)⁴.

¹ Статистический временник Российской империи. Серия 2. Вып. 1. СПб, 1871 и др.

² Дитмар, А. Б. Очерк истории административного деления Ярославского края // Краеведческие записки. Вып. 2 / Под ред. П. Г. Андреева, А. Н. Иванова, М. Г. Мейеровича. Ярославль, 1957. С. 224.

³ СССР по районам. Центрально-промышленная область / Сост. М. Б. Вольф, Г. А. Мебус. М.-Л., 1926. С. 148.

⁴ Районы Ивановской промышленной области. Ч. 1. Экономическая характеристика. М.-Иваново, 1933.

Выбранные для изучения губернии, входившие прежде в состав ЦПО, — это современные Владимирская, Ивановская, Костромская, Тверская и Ярославская области. Обращение к ним дало возможность проследить направления реализации государственной политики сохранения памятников искусства и старины в указанном регионе в 1920—1930 гг. Выявление данных особенностей предусматривает изучение локальных тенденций в деле сбережения культурных ценностей, определяя территориальные границы диссертационного исследования.

Хронологические рамки исследования совпадают с общепринятыми временными параметрами. В диссертационном исследовании процесс сохранения памятников искусства и старины губерний ЦПО в 1920—1930-х гг. разделен на два этапа.

Первый этап связан с сохранением памятников искусства и старины посредством формирования памятникоохранных и музейных организаций на местах, проведения охранительно-фиксирующих мероприятий в 1918—1929 гг. Второй этап изучения сохранения памятников искусства и старины в диссертационном исследовании уместно определить рамками 1930—1938 гг. Анализируемый период в целом характеризуется постепенным свертыванием памятникоохранного дела на местах и началом уничтожения памятников искусства и старины. Использувавшиеся методы музейной работы по сбережению культурных ценностей, имея исключительно агитационный и антирелигиозный характер, требовали более тесных контактов государственных органов охраны памятников с различными хозяйственными, плановыми и проектными организациями, привлечения широких кругов общественности. Результатом такого рода сотрудничества явился подготовленный в 1938 г. общий список губернских памятников.

Данная периодизация не противоречит исторической логике и позволяет изучить и обобщить все многообразие новой системы сохранения памятников искусства и старины, которая была сформирована в рассматриваемом регионе с учетом ее принципиальных основ, структуры и содержания. Несмотря на жесткое противостояние защитников и разрушителей, каждый хронологический отрезок отмечен своим положительным и отрицательным отношением к прошлому.

Источниковая база исследования. Все источники по теме были разделены по происхождению и функциональному назначению разделены на пять групп. Все опубликованные и неопубликованные источники разделены по видам и типам на следующие группы: 1) нормативные и правовые акты; 2) делопроизводственные материалы; 3) статистические источники; 4) периодическая печать; 5) публицистика; 6) фотодокументы. *Подробный анализ комплекса источников приведен в первой главе диссертации.*

Материал исследования составили несколько групп источников:

- архивные материалы по архитектуре и древнерусской живописи (фотографии, обмеры, описание и др.) в государственных архивах (филиалах) Владимирской, Ивановской, Костромской, Тверской и Ярославской облас-

тей; в архивах: отдела письменных источников (г. Москва); научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва); отдела рукописей государственной Третьяковской галереи (г. Москва); государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева (г. Москва); историко-архитектурного музея-заповедника (г. Ярославль); отделения центральных реставрационных мастерских (г. Ярославль);

- музейные источники и коллекции: Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника; ярославского художественного музея; государственного музея-заповедника (Ростовский кремль); государственного историко-краеведческого музея им. Д.Г. Бурлыкина (г. Иваново); историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (г. Кострома); Владимиро-Суздальского музея-заповедника;

- источники в отделах редкой краеведческой книги, в том числе дореволюционный фонд изданий в научных библиотеках: Владимирской областной научной библиотеки, Костромской областной универсальной научной библиотеки, Ярославской областной научной библиотеки, Российской государственной библиотеки;

- интернет-материалы, составившие основу личного опыта автора, приобретенного в результате многолетнего изучения исторических интернет-экспозиций музеев, фотографий памятников архитектуры и иконописи исследуемого региона.

Теоретико-методологическая значимость исследования. Междисциплинарный характер исследуемого процесса как историко-культурологического концепта, системно раскрывающего феномен развития памятникоохранного дела ЦПО 1920—1930-х гг., позволил применить как общенаучные, так и специальные методы историко-культурного исследования. При подготовке диссертации были использованы такие классические общенаучные методы как синтез, дедукция, сравнение. Использование синтеза подразумевало воссоединение конкретного события из более мелких составляющих, а индукции — перевода от частного к общему, зачастую вероятностному, положению. В условиях использования анализа как общенаучного метода позволяло двигаться от сложного к простому. Метод дедукции был использован с целью выведения из гипотезы следствий для развития ее содержания и объяснения наблюдаемых явлений. Подробный анализ методологии исследования приведен в первой главе диссертации.

Более полно раскрыть особенности становления и развития системы сохранения памятников искусства и старины губерний ЦПО в 1920—1930-х гг. как предмета исследования диссертации, выявить последовательность данных процессов во времени в совокупности с изменениями в системе местных органов власти, происходивших на различных этапах становления и развития памятникоохранного дела в губерниях ЦПО в 20—30-х гг. XX в. позволили идеографический, историко-генетический, хронологический, историко-типологический, сравнительно-исторический, историко-феноменологический методы, системно-исторический метод, а также метод психистории.

Степень изученности проблемы соотнесена с фактом проведения исследования на стыке двух научных дисциплин, что позволяет выделить два уровня данной работы:

- культурологический;
- исторический.

Культурологический уровень. Значимыми для диссертационного исследования являются работы, в основе которых лежат отечественные и зарубежные теории организации деятельности по сохранению памятников искусства и старины. В настоящей работе с культурологических позиций применяются культурные смыслы сохранения памятников культуры и истории, основываясь на положениях отечественных теоретиков В.И. Вернадского, Л.Н.Гумилева, Д.С. Лихачева и Н.Н. Моисеева о роли культурной и экологической среды как целостной системы для формирования высокоморального общества. Современные исследователи Ю.М. Лотман, А.Г. Васильев, Е.В. Грязнова, И.В. Кондаков, О.Н. Астафьева, К.Е. Рыбак акцентируют внимание на своих позициях посредством феномена «социальной памяти», т.е. сохранения актуальной социальной информации и передачи её от поколения к поколению.

Рассуждая о контексте воспоминаний, о роли образов прошлого в жизни общества и обратном воздействии процессов социальных трансформаций на коллективные представления об истории, зарубежные исследователи Э. Ренан, Э. Дюркгейм, С. Чарновский, Ч. Кули и Дж. Г. Мид, М. Хальбакс и П. Штомпка рассматривают память как феномен индивидуального сознания, коренящийся в «глубинах духа» и представляющий собой статичное хранилище «следов» и «отпечатков» к пониманию того, что содержание памяти и ее внутренняя организация определяется извне, при помощи инструментов, предоставляемых культурой, господствующих норм, социального-политического контекста и т. п.

Исторический уровень. В отечественной науке вопросы сохранения памятников искусства и старины в губерниях Центрально-промышленной области в 1920—1930 гг. определяются результатами исследований научного сообщества в ракурсе проблематики истории культурного наследия и охраны памятников, теории и практики популяризации памятников искусства и старины в современных условиях. Весь массив проанализированной литературы, затрагивающий проблематику диссертационного исследования, следует разделить на следующие тематические блоки: историческая специфика, культурологические аспекты проблематики сбережения ценностей, правовое регулирование сохранения памятников искусства и старины.

Теоретические аспекты организации сохранения памятников искусства и старины в дореволюционный период осмыслились, например, в работах М.В. Ломоносова, Г.Ф. Миллера, В.Н. Татищева. Обращение к данным исследованиям позволяет рассмотреть материальные объекты в качестве источников информации о прошлом страны, организации их выявления и анализа.

С помощью обращения к исследованиям по истории сохранения культурных ценностей, выполненным А.М. Эфросом, И.Э. Грабарем, Н.И. Рома-

новым, Ф.И. Шмитом, И.С. Смирновым, В.К. Гардановым, О.В. Ионовой, И.А. Булыгиным, С.М. Троицким, а также к трудам Н.Р. Левинсона, С.Ф. Ольденбурга, А.А. Миллера, посвященным вопросам охраны памятников прошлого и музейного строительства в целом по стране, диссертантом были выделены вопросы о неудовлетворительном состоянии дела по сохранению памятников в рассматриваемый период, о необходимости создания музеев как наилучшего средства для сохранения культурных ценностей в первые послереволюционные годы.

В фокус исследовательского внимания попали вопросы, связанные с сохранением культурного наследия в различных регионах Советской России. О.В. ИONOVA, В.В. Горбунов, Ю.И. Овчин, Ф.В. Борисевич, Л.А. Штенко, И.О. Подобедова, Н.А. Кривова впервые ввели в научный оборот архивные материалы и документы, мемуарные источники по исследуемым проблемам, проанализировали сложившуюся в рассматриваемый период ситуацию.

Подробному анализу в работах Д.А. Равикович, Ю.Н. Жукова, Е.С. Ревякина, Н.С. Майоровой, К.Г. Левыкина, В.Ф. Козлова, Н.П. Рязанцева подверглась деятельность органов охраны памятников искусства, старины и музейного строительства в губерниях ЦПО, проведение научных экспедиций во Владимире, Иваново, Костроме, Ярославле. На основе изучения архивных документов авторами были определены этапы сохранения, а затем направления целенаправленной борьбы по уничтожению уникальных исторических памятников губерний ЦПО. Данные исследователи поддерживают точку зрения академика РАО С.О. Шмидта, согласно которой период с 1917 г. по 1927 г. по праву называют «золотым десятилетием» отечественного краеведения.

Важную для исследования проблематику затрагивают исследователи В.М. Рославский, Т.А. Рутман, Т.П. Тимофеева, О.В. Галкова, выдвигая тезис, согласно которому в основе отношения большевистской партии к сохранению материальных форм культурного наследия был опосредован экономическим и политическим прагматизмом.

Зарубежная историография сосредоточена на изучении материала общероссийского значения, а региональные исследования, связанные с вопросами сохранения памятников искусства и старины 20—30 гг. XX века, отсутствуют. Ученые выделяют из всего многообразия рассматриваемого исторического процесса наиболее значимые явления 1930-х гг., которые позволили бы воссоздать его объективную реальность.

Воздействие революции на культурное развитие страны сказалось не сразу, накапливалось постепенно, прошло долгую эволюцию, но значимость данного влияния на современном этапе мало кто решается оспаривать, вне зависимости от того какие оценки даются характеру произошедшего. Даже сами разногласия, существующие среди зарубежных историков культурной революции, так же являются следствием о её сложности и эпохальности, а не только различий в методологии и политических установках тех или иных авторов (Ш. Фитцпатрик). Многое зависело от ракурса под которым рассматривались тенденции развития отечественной культуры в 1920—1930-х гг. (Т. О'Коннор, Р. Пайпс). Для многих зарубежных историков был харак-

терен прикладной взгляд, при котором культурную революцию рассматривали как мероприятия большевиков по созданию новой советской интеллигенции (Д. Байрау). Для современных историков вместе с тем характерен иной подход при котором на первое место выдвигаются политические задачи, решаемые властью в ходе культурной революции. В этом случае под культурной революцией понимается коренной поворот в духовной жизни общества, для которого было характерно утверждение марксистско-ленинской идеологии в качестве единой мировоззренческой основы всех советских граждан, стандартизация мышления, подавление всякого рода носителей антисоветского сознания, наконец, создание принципиально новой культуры, как в те годы говорилось — социалистической по содержанию, интернациональной по природе, национальной по форме (Ш. Плаггенборг).

Проблемное поле названных выше научных работ по культурологии и истории охватывает масштабный корпус фактов и событий, связанных с изучением особенностей взаимодействия государственных и местных органов власти с различными институтами общества в организации сохранения памятников искусства и старины. Вместе с тем, применительно процессу сохранения культурных ценностей в губерниях Центрально-промышленной области в 1920—1930-х гг. отсутствуют комплексные исследования, не выявлены условия и специфика формирования памятникоохранных организаций на местах, не проанализирована роль местных органов власти в проведении реставрационных и музейных работ в губерниях ЦПО, не учтен масштаб потерь для региона. Приведенные обстоятельства определяют значимость и актуальность данной темы для науки и подлежат поэтапному рассмотрению в первой главе диссертационного исследования.

Согласно научной **гипотезе**, изучение процесса памятникоохранной политики губерний ЦПО в 1920—1930-х гг. должно быть направлено, прежде всего, на выявление тех причин, согласно которым памятники искусства и старины в губерниях часто сохранялись не благодаря, а вопреки реакции государственных органов власти на политико-экономические события, происходившие в обществе. Забота о памятниках искусства и старины со стороны государственных органов власти — Наркомата Имуществ и Отдела по делам музеев Наркомпроса РСФСР, решавших возникавшие проблемы путем формирования законодательной базы и создания памятникоохранных организаций, в губерниях Центрально-промышленной области не была последовательной. Поэтому многое зависело от местных органов власти, которые были незамедлительно включены в решение памятникоохранных проблем, посредством активации бережения и вместе с тем разрушения раритетов. Личная инициатива квалифицированных специалистов, сотрудников музеев и краеведов на начальном этапе сохранения культурных ценностей в определенной степени сводилась к научным формам удовлетворения заинтересованности в бережении каждого памятника искусства и старины. Взаимоотношения краеведов, представителей церкви, жителей городов и власти в 1920—1930-х гг. стали свидетельством их взаимообусловленности и стремления одних

(исследователей) постоянно напоминать о возникновении проблем, а других (государственных и местных органов власти) их решать ради усиления своего влияния, постепенно увеличивая идеологический прессинг. Вследствие названных парадоксов в 20—30-х гг. XX в. провинция становилась памятникоохранным центром, в котором интенсифицировались механизмы своего рода музеефикации культурных ценностей в противовес свертыванию мероприятий по сбережению памятников искусства и старины.

Научная новизна диссертационного исследования выражена в том, что:

1. Впервые было определено, что памятники искусства и старины в 1920—1930-х гг. не только подвергались уничтожению, но воспринимались государственными органами власти как особый, исключительно ценный вид имущества, обладавший набором специфических признаков, свойств и подлежавший сбережению в интересах складывавшегося нового социума.

2. Впервые доказывается, что губернии ЦПО в 1920-х гг. оказались не только пространством, обремененным памятниками искусства и старины, но культурными центрами, в которых древнерусские ценности были вписаны в послереволюционную действительность, став ее неотъемлемыми ментальными и материальными элементами.

3. Впервые утверждается, что государственная политика в деле сохранения памятников искусства и старины, хотя и была подготовлена ведущими специалистами страны, однако не была однозначно predetermined. Реализация охранительно-фиксирующих мероприятий стала возможной благодаря совокупности экономических, политических и идеологических предпосылок, находившихся в сложном взаимодействии друг с другом. Автором собраны доказательства того, что организационные мероприятия по сохранению памятников искусства и старины 1920-х гг. содержали элементы дореволюционной памятникоохранной политики губерний ЦПО в ее попытке сформировать новую систему на основе комбинации комплексного, ансамблевого определения понятия «памятник». В то же время преобладали не такие факторы, как «святость», «намоленность», связь с подлинными или легендарными лицами и событиями, а, в первую очередь, стоимость и функциональность.

4. Впервые отмечается, что у местных органов власти отсутствовал опыт управления сформировавшейся системой по сохранению памятников искусства и старины. Автором приведены доказательства того, что важнейшие причины свертывания памятникоохранного дела в 1930-х гг. заключались, во-первых, в непоследовательности, определяемой идеологическими и экономическими факторами, придающими памятникоохранному делу второстепенную роль; во-вторых, в том, что значительная часть сохраненных губернских памятников в 1920-х гг., — в 1930-х гг. была распродана, разворована или уничтожена; в-третьих, физическое уничтожение краеведов и краеведческих обществ явилось пусковым механизмом исчезновения квалифи-

цированного наблюдения за памятниками искусства и старины как необходимого условия их сохранения.

5. Впервые автором вовлечен в научный оборот значительный объем неиспользованных ранее источников из государственных и региональных архивов.

6. Впервые с историко-культурной точки зрения были проанализированы памятникоохранные мероприятия, проводившиеся на территории губерний ЦПО в 1920—1930-х гг., свидетельствовавшие о преобразовательной активности предшественников. Часть такого рода памятников искусства и старины сохранила свою актуальность для последующих поколений, другая подверглась трансформации под воздействием текущих требований.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в разработке и обосновании теоретико-методологической основы изучения сохранения памятников искусства и старины как историко-культурологического концепта, многоаспектно и системно раскрывающего особый феномен развития Центрально-промышленной области 1920—1930-х гг. Выработанный в диссертационном исследовании новый культуросообразный теоретический подход к изучению сложнейшей в социально-экономическом и идеологическом плане проблемы эпохи показал, что процесс развития и сохранения памятников был двуединым: музеефикация культурных ценностей проходила одновременно со свертыванием мероприятий по сбережению памятников искусства и старины.

Актуальные события исторического прошлого были проанализированы в контексте научной идеи интегративного осмысления сохранения памятников искусства и старины, ранее являвшейся в отечественной науке темой рассредоточенного, узкоспециального анализа, рассмотрение производилось исключительно с позиций сохранения или с позиций разрушения памятников искусства и старины.

Систематизация полученных сведений обеспечила изучение предмета исследования на институциональном, региональном и субъектном уровнях. Междисциплинарный характер исследуемой дефиниции «памятник искусства и старины» 20—30-х гг. XX в. позволил применить как общенаучные, так и историко-культурологические методы исследования как специальные. Общие принципы, характерные для всей Советской России экстраполировались на культурные практики всего региона (ЦПО), который был чрезвычайно показателен с точки зрения многочисленных и многообразных сохраненных и уничтоженных памятников.

Диссертационный труд может послужить научно-методологической базой для работ в области культурологии, истории, музееведения, краеведения, правоведения. Практическая значимость диссертационной работы связана с тем, что полученные историко-культурные сведения могут использоваться при разработке программ культурноохранных мероприятий на региональном уровне, учитывая опыт общероссийских традиций. Материалы диссертации могут также использоваться при организации работы по

патриотическому и духовно-нравственному воспитанию, а также туристической деятельности.

Личный вклад диссертанта.

На базе различных источников, впервые введенных в научный оборот, осуществлено исследование особенностей организационных мероприятий по сохранению памятников искусства и старины в 1920—1930-х гг.

С помощью междисциплинарной методологии выявлены и исследованы направления деятельности государственных и местных органов власти, результаты которой оказывали влияние на процесс сохранения памятников искусства и старины в 1920—1930-х гг.

Определены особенности классификации и категоризации памятников искусства и старины в нормативно-правовых документах на протяжении всего исследуемого периода.

Обоснован и реализован интегративный методологический подход к изучению памятникоохранных явлений и процессов 1920—1930-х гг. в контексте системного анализа.

Осуществлен анализ процесса адаптации памятников искусства и старины к существующим реалиям в условиях влияния идеологической составляющей.

С историко-культурной точки зрения оценен вклад краеведов в процессе контроля над памятниками искусства и старины в 1920—1930-х гг.

В процессе изучения проблематики взаимодействия государственных и местных органов власти в деле сбережения культурных ценностей 1920—1930-х гг. произведена систематизация, типологизация обширного эмпирического материала, впервые анализируемого в историко-культурном контексте. На основе созданной базы фактов и событий были выделены закономерности эволюции памятникоохранной деятельности с целью выявления специфики сохранения, а также разрушения памятников искусства и старины в губерниях ЦПО в 1920—1930-х гг.

Достоверность и обоснованность результатов диссертационного исследования обеспечивается фундаментальной постановкой проблемы, комплексным характером ее решения; сформированными теоретико-методологическими установками, разработанной методологией, позволяющей выполнить определенные в работе задачи; всесторонним изучением специфики памятникоохранной деятельности государственных и местных органов власти, эволюции их деятельности в послереволюционные десятилетия, проведенной апробацией результатов работы.

На защиту выносятся следующие основные положения, в которых нашла отражение научная новизна диссертационного исследования.

1. Памятники искусства и старины губерний Центрально-промышленной области (большая часть которых являлась образцом церковного искусства) рассматривались государством, учеными и обществом как эффективное средство воздействия на мировоззрение граждан, считая их феноменом «социальной памяти». В сложных условиях трансформации государственной

памятникоохранной деятельности удалось добиться трансляции культурной памяти как необходимого условия сохранения культурных ценностей в губерниях ЦПО.

2. Памятникоохранная политика в губерниях ЦПО в 1920—1930-х гг. явилась особым феноменом в сохранении русской культуры. Она была сформирована на основе нормативно-правовых актов, принятых руководством страны, но, в то же время, адаптировалась под региональные традиции сбережения сокровищ искусства и старины. При этом пересмотру в губерниях ЦПО подвергался весь спектр мероприятий по сохранению древностей: методы, способствовавшие выявлению движимых и недвижимых губернских памятников, их научная регистрация и классификация, корректировка местных сводов памятников.

3. Особую роль в памятникоохранной деятельности сыграли губернии ЦПО, став памятникоохранными центрами, интенсифицировав механизмы музеефикации культурных ценностей в противовес свертыванию мероприятий по сбережению памятников искусства и старины.

4. Для культурологического дискурса современной отечественной гуманитарной науки актуальной и нерешенной в полной мере задачей остается раскрытие сущностных принципов организации сохранения памятников искусства и старины в целом и, в частности, в ЦПО в первое послереволюционное десятилетие. Главным основанием названного процесса являлось утилитарное отношение к культурным ценностям. Признаваемые полезными для практической жизни в 1920-х гг. губернские памятники искусства и старины сберегались. Невозможность использования культурных ценностей в качестве орудия классовой борьбы, целью которой являлось воспитание нового человека, приводила к тому, что часть социально-значимого культурного наследия дореволюционной России была вычеркнута из жизни ярославского, владимирского, костромского, тверского, ивановского обществ в конце 1920—1930-х гг.

5. Сохранение памятников искусства и старины в губерниях ЦПО в изученный период развивалось недостаточно последовательно, несмотря на жесткие правовые установки, систему государственного контроля, циркуляров и инструкций, возможности реализации региональной политики, определения форм описи значимых в культурном отношении предметов, создания образцов охранительной документации, поддержки местных краеведческих обществ.

6. В условиях изменения общественных приоритетов отбора и использования культурных ценностей трансформировались структура и задачи органов, занимавшихся сбережением губернских древностей. Деятельность местных органов власти была переориентирована на приспособление памятников искусства и старины к практической работе в новой идеологической обстановке. Губернская система памятникоохранительной деятельности в период своего становления не только не прервала дореволюционную российскую традицию охраны памятников истории и культуры, т.е. систему обще-

государственных и местных мероприятий, ставящих целью сохранение и защиту культурных ценностей, но и первоначально воплотила в себе многие лучшие черты универсальной доминанты традиционной культуры, выработанные в предшествующий период, прежде всего, научно-историческими обществами и краеведческими организациями ЦПО второй половины XIX—начала XX вв.

7. Помимо государственных органов, с их не всегда последовательной и продуманной политикой в сфере сохранения историко-культурного наследия, проблемы в памятникоохранной деятельности создавало так называемое общественное мнение. Союз воинствующих безбожников, действовавший и на территории губерний ЦПО, был массовой и в отдельные периоды своей истории чрезвычайно активной общественной организацией, осуществлявшей деятельность по нескольким направлениям. В давлении на религиозные организации и разрушении памятников искусства и старины Союз воинствующих безбожников играл немалую, отчасти первостепенную роль.

8. В деятельности памятникоохранных органов разных губерний ЦПО было немало сходных приемов сохранения памятников искусства и старины, поэтому следует говорить о наличии определенного культурного кода губернских традиций сохранения ценностей, которые трансформировались под воздействием изменения исторических реалий. Несмотря на то, что в послереволюционное время часть культурных ценностей погибла или была распродана, огромное количество выявленных и взятых на учет культурных ценностей было сохранено в фондах музеев.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации были представлены на заседаниях кафедры отечественной средневековой и новой истории федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», кафедры гуманитарных наук федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Ярославский государственный технический университет»; международных, всероссийских и региональных конференциях: «Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ». Ярославль, 2008, 2009; «Актуальные проблемы научного знания в XXI веке». Рубцовск, 2008; «Российская государственность и право: современное состояние и перспективы развития». Москва, 2008, 2009, 2011; «Российская семья: историко-психологический портрет». Санкт-Петербург, 2008; «Человек в пространстве культуры». Ярославль, 2009, 2010, 2011; «XX век в истории России: актуальные проблемы». Пенза, 2009; «Наука и современность – 2010». Новосибирск, 2010; «Научное творчество XXI века». Красноярск, 2010; «Образы города в горизонте российской динамики», Ярославль, 2010; «Церковь в истории и культуре России». Киров, 2010; «Путь святости Земли Ярославской». Ярославль, 2011; «Роль религии в современном обществе: опыт, проблемы, перспективы». Павловск (Республика Казахстан), 2011; «Актуальные

проблемы науки». Тамбов, 2011, 2014; «Кострома и судьбы российской государственности». Кострома, 2012; «Развитие российской государственности и Ярославский край». Ярославль, 2013; «Роль Русской Православной Церкви в становлении и развитии российской государственности». Ярославль, 2014; «Социально-экономические доминанты развития общества: история и современность». Кингисепп, 2014–2016; «Государство, общество, церковь в истории России XX века». Иваново, 2010–2016 и др. Основное содержание диссертации нашло свое отражение в 68 научных публикациях, в том числе в 20 статьях в журналах, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, а также в 2 монографиях.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют **паспорту специальности 24.00.01** – теория и история культуры (культурология), а именно п. 1.1.7. Культура и религия; п. 1.1.8. Генезис культуры и эволюция культурных форм; п. 1.1.9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов; п. 1.1.15. Роль культурного наследия в жизнедеятельности общества.

Структура диссертационной работы построена с учетом традиционно-го разделения научной работы на введение, основное содержание, заключение, список использованных источников и литературы. Построение рукописи соответствует логике исследования и подчинено решению задач, необходимых для достижения цели диссертации. Основное содержание диссертации состоит из четырех глав, первая из которых посвящена историографии, источникам и методологии исследования, а следующие за ней главы раскрывают суть деятельности государственных и местных органов власти по сохранению памятников искусства и старины в исследуемый период. Логика данного диссертационного исследования открыта для суждений различных специалистов региональных исследований, что позволяет привести в содержании диссертационной работы новые обстоятельства и аргументированные умозаключения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность и проблема исследования, формулируются цели и задачи, хронологические и территориальные границы, определены объект и предмет работы. Обосновывается научная новизна исследования, представлена апробация его результатов и структура работы.

В первой главе **«ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ»** дается аналитический обзор историографической, источниковой и методологической основы исследования, определяется понятийный аппарат, формулируется концепция диссертации.

Первый параграф **«Историография по теме исследования»** посвящен анализу отечественной историографии сохранения памятников искусства и старины, который позволяет выявить степень научной зрелости и глубины постижения сути историко-культурного явления.

В развитии отечественной историографии, связанной с вопросами сохранения памятников искусства и старины в губерниях Центрально-промышленной области в 1920—1930 гг. следует выделить два основных этапа: 1) советский период (1917—1991 гг.); 2) современный период (90-е гг. XX в.— до настоящего времени), каждому из которых был присущ ряд специфических черт. Если в советской историографии положение и судьба губернских памятников в научной исторической литературе рассматривались мало, то в условиях постсоветского этапа указанная проблема становится объектом активных научных исследований. Данные изменения в общенаучной среде способствовали расширению источниковой базы, переосмыслению многих устоявшихся оценок и исторических концепций, повышению объективности исследований.

Авторы первых *советских исследований* по теме диссертации опирались на официальные положения, основанные на том, что советское государство сумело в короткий срок сформировать систему государственных органов сохранения памятников искусства и старины, обеспечило законодательную основу их деятельности, и стихийно начавшийся процесс разрушения культурных ценностей был остановлен. В работах И.Э. Грабаря, Ф.И. Шмита и других исследователей⁵ были поставлены вопросы о неудовлетворительном состоянии дела по сохранению памятников, о необходимости создания музеев как наилучшего средства для сохранения культурных ценностей. Сотрудник Музейного отдела Наркомпроса А.М. Эфрос⁶ в своих работах отмечал, что начинать процесс охраны после революции приходилось буквально с нуля, так как ни одного закона, ни одного мероприятия у старой власти в этой области не было.

Замалчивание сведений о действительных участниках в делах музеев и охраны памятников подтверждало идеологическую составляющую исследований конца 1930-х гг. Главный акцент в историографии начал смещаться в сторону негиблистического отношения к прошлому в соответствии с задачами политической жизни страны, разрывая историческую преемственность с наследием царской России. Вместе с тем, некоторые работы, содержавшие ссылки на опыт предыдущих лет, носили констатирующий характер, политика в сфере сохранения памятников искусства и старины оценивалась исключительно позитивно⁷.

В 1940—1950-е гг. на проблемы охраны памятников старины в послереволюционные годы было обращено несколько большее внимание исследователей. В работах И.С. Смирнова, В.К. Гарданова, О.В. Ионовой,

⁵ Миронов, А. Охрана памятников искусства и старины // Казанский музейный вестник. 1920. № 1-2; Дауге, А. Охрана памятников искусства и старины в провинции // Художественная жизнь. 1920. № 2; Грабарь, И. Э. Для чего надо охранять и собирать сокровища искусства и старины. М., 1919. С. 5; Шмит, Ф.И. Исторические, этнографические, художественные музеи. Харьков, 1919.

⁶ Эфрос, А. М. Музейное дело в Советской республике // Советская культура. Итоги и перспективы. М., 1924.

⁷ Левинсон, Н.Р. Охрана внемузейных памятников // Советский музей. 1932. № 6. С. 66; Ольденбург, С. Ф. Индустриализация страны и охрана памятников // Сообщения ГАИМК 1931. № 4-5; Миллер, А.А. К вопросу об охране памятников старины // Сообщения ГАИМК. 1931. № 4-5.

И.А.Бульгина, С.М. Троицкого и других авторов⁸ были рассмотрены вопросы национализации и сохранения культурных ценностей в начальный период революции. Использование в основном документов центральных архивов не позволило показать процесс формирования органов охраны на местах.

Взросший интерес к памятникам прошлого, расширение проблематики в 1960—1980-х гг. привели к дальнейшему изучению исторических проблем сохранения культурного наследия⁹. Активно публикуются материалы по вопросам сохранения исторических памятников и их реставрации, по проблемам экспозиции в музеях, организованных на территории бывших храмов¹⁰.

В работах Д.А. Равикович подробно рассматривается деятельность органов охраны памятников искусства, старины и музейного строительства в губерниях Советской России, проведение научных экспедиций во Владимире, Ярославле¹¹. Исследователь приходит к выводу, что в начале 1920-х гг. можно было утверждать, что система государственных учреждений, определявшая сохранения памятников, сложилась. На обширном круге законодательных и нормативных актов с привлечением многочисленных материалов центральных и местных архивов, используя разнообразные специальные и ведомственные периодические издания, Ю.Н. Жуков убедительно показал историю вопроса с дореволюционных времен до окончания гражданской войны¹².

Последнее десятилетие двадцатого века привело к появлению целого ряда *современных работ* по вопросам сохранения памятников искусства и старины. В условиях отсутствия жесткой цензуры и идеологического диктата авторы работ чаще подвергают события тех лет критическому анализу, дают более объективную трактовку источников, делают упор на тех негативных явлениях, которые недостаточно рассматривались предыдущими исследователями. В частности, больше внимания уделяется разрушениям памятников старины, ликвидации церковного имущества, распродаже художественных ценностей за рубежом¹³. Ряд авторов рассматривают проблему в региональном плане¹⁴.

Заметную роль в современной историографии сыграли ученые, занимающиеся не только исследовательской, но и публикаторской работой. В трудах Н.А. Кривовой, посвященных взаимоотношениям государства и церкви в 1920-е гг., раскрыты основные направления кампании по изъятию церковных

⁸ Смирнов, И.С. Из истории строительства социалистической культуры в первый период Советской власти. М., 1949.

⁹ Лихачев, Д.С. Памятники культуры — всенародное достижение // История СССР. 1961. № 3; Брайчевский, М.Ю. Сохранить памятники истории // История СССР. 1966. № 2 и др.

¹⁰ Бабаева, Л. М. Из истории национализации частных художественных собраний в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.) // История СССР. 1977. № 2. С. 186—193.

¹¹ Равикович, Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917—1967 гг.) // Труды НИИ музееведения. Вып. 22. М., 1970. С. 3—127.

¹² Жуков, Ю. Н. Сохраненные революцией. Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917—1921 гг. М., 1985; Он же. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917—1920 гг. М., 1989.

¹³ Кузина, Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917—1941 гг. // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII—XX вв.). М., 1991.

¹⁴ Полякова, М. А., Савинова, Е. Н. Русская провинциальная усадьба XVII — начало XX века. М., 2011 и др.

ценностей в антирелигиозной политике советского государства в период голода в том числе в губерниях ЦПО в 1922 г.¹⁵.

Неизвестные ранее документы местных архивов впервые были введены в оборот в диссертационных исследованиях¹⁶, прямо или косвенно затрагивающих проблемы памятникоохранных отношений церковных зданий. Историки Е.А. Ревякин, Н.С. Майорова видели свою задачу в анализе содержания, направлений, результатов и последствий антирелигиозной политики, осуществляемой государственными, партийными и общественными организациями¹⁷.

Весьма широко в трудах историков представлены события, связанные с усадебной культурой как объектом государственного наследия. Тезис о том, будто бы революционные события провоцировали народ на разгром, а затем и дальнейшее разрушение помещичьих усадеб, на уничтожение всего того, что было накоплено многими поколениями просвещенного дворянства, не подтвердился данными архивных документов ЦПО¹⁸.

Согласно мнению академика РАО С.О. Шмидта, период с 1917 г. по 1927 г. по праву называется «золотым десятилетием» отечественного краеведения¹⁹. Во многих губернских, уездных и волостных центрах ЦПО возникали краеведческие и научно-просветительские общества, превратившись в своего рода «академии наук на местах»²⁰. В исследованиях В.М. Рославского вместе с тем утверждается идея, согласно которой в основе отношения большевистской партии к сохранению материальных форм культурного наследия с самого начала лежал экономический и политический прагматизм²¹.

Обращавшиеся к региональным аспектам охраны памятников истории и культуры историки Н.П. Рязанцев, Т.А. Рутман и Т.П. Тимофеева посвятили ряд своих работ введению в научный оборот архивного материала, касавшегося создания системы сохранения памятников, состояния храмов, музейного

¹⁵ Кривова, Н.А. Власть и церковь в 1922—1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997.

¹⁶ Разумов, Д.С. Антицерковная политика советской власти в 1921—1921 гг. (по матер. Верхнего Поволжья): дис... канд. ист. наук. Ярославль, 1997; Полищук, И.С. Духовенство и крестьянство в политике большевистской партии и советской власти в 1920—1930-х гг. (На матер. Тверской губернии): дис... канд. ист. наук. Тверь, 2001; Киндзерская, М.А. Музейное дело и сохранение историко-культурных памятников в России в начале XX в. конце 1930 гг.: дис... канд. культурологии. Краснодар, 2005; Олейник, И.И. Органы юстиции Верхневолжского региона в 1920—1930-х гг.: историко-правовой аспект. Владимир, 2002.

¹⁷ Ревякин, Е.С. Памятники церковной архитектуры в период «воинствующего безбожия» // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI вв. Матер. XIV Межд. науч. конф. Иваново, 2015. С. 282-289; Майорова, Н.С. Государственно церковные отношения в 1917—1929 гг. Кострома, 2006.

¹⁸ Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 1—8. М., 1994—2002; Греч, А.Н. Венок усадьбам // Памятники Отечества: Альманах. 1994. № 32.

¹⁹ Шмидт, С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1990.

²⁰ Соболев, В.С. Академия Наук и краеведческое движение // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 6. С. 535—541; Флейман, Е.А. Деятельность Костромского научного общества по изучению местного края в 1917—1930 гг. // Костромская земля: Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры / Под ред. Ю.В. Лебедева. Кострома, 1990.

²¹ Рославский, В.М. Деятельность Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древнерусской живописи — Центральных государственных реставрационных мастерских. 1918—1934 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

строительства и усадебной культуры в Ярославской и Владимирской губерниях²².

На базе архивных материалов Советского Союза *зарубежными авторами* в контексте социальной истории рассматривались различные процессы, происходившие в ходе культурной революции в 1920—1930-х гг. Ш.Фитцпатрик, Д. Байрау и Р. Пайпс рассматривали культуру как орудие государственной политики²³. Т. О'Коннор, Р. Сласер, Р. Сервис, Р. Такер концентрировали свое внимание на деятельности лидеров советского государства в сфере культуры²⁴. Исследование Ш. Плаггенборга посвящено рассмотрению насильственных перемен, перевернувших мировоззрение, образ мышления и жизни людей²⁵. Тем самым, под культурной революцией авторами понимался коренной поворот в духовной жизни общества, для которого были характерны стандартизация мышления, подавление всякого рода носителей антисоветского сознания.

Следует отметить, что работы, посвященные вопросам сохранения памятников искусства и старины в советской историографии в целом характеризовались узостью подходов, отсутствием обращения к основным методологическим проблемам культурологического познания. Усиление внимания современных культурологов и историков к вопросам введения в оборот новых исторических источников сконструировало новую концепцию развития отечественной науки. Однако с уверенностью следует отметить, что необходимо продолжать изучение проблемы, привлекая новые, ранее неизвестные источники.

Во втором параграфе «**Источники исследования**» содержится анализ источниковой базы исследования, которая рассматривается как единый комплекс, состоящий из различных видов материалов. Все опубликованные и неопубликованные источники разделены в диссертации по видам и типам на следующие группы.

*Нормативные и правовые акты представляют первую группу источников, внутри которой можно выделить несколько составляющих его подгрупп документов: 1. Декреты РСФСР и СССР; 2. Постановления ВЦИК и СНК РСФСР; 3. Ведомственная инструктивно-актовая документация*²⁶. Основные

²² Рязанцев, Н. П. «Спасти живую старину...»: Охрана памятников и музейное строительство в Ярославской губернии в 1918—1929 гг. Ярославль, 2000; Тимофеева, Т. П. «Лежит в развалинах Твой храм...»: О судьбах церковной архитектуры Владимирского края (1918—1939) / Документальные хроники. Владимир, 1999; Рутман, Т.А. Храмы и святыни Ярославля. История и современность. Ярославль, 2008.

²³ Фитцпатрик Ш. Культурная революция в России, 1928—1931. Блумингтон, 1978; Байрау, Д. Интеллигенция и власть: советский опыт// Отечественная история. 1994. № 2. С. 122-135; Пайпс, Р. Россия при большевиках. М., 1997.

²⁴ О'Коннор, Т. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. М., 1992; Сласер, Р. Сталин в 1917 году. М., 1989; Сервис, Р. Ленин. М., 2002; Такер, Р. Сталин. История и личность. М., 2006.

²⁵ Плаггенборг, Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Пер. с нем. И.Карташевой. СПб., 2000.

²⁶ Сборник постановлений по музейному строительству РСФСР. 1931—1932 гг. М., 1934; Декреты Советской власти. Т. 1—9. М., 1957—1978; Сборник декретов и постановлений по охране памятников истории и культуры. 1917—1967 гг. М., 1968; Культурное строительство во

положения законодательных источников, начиная с 1918 г., в целом репрезентативны, точно отражают основные черты всей совокупности реально издаваемых документов исследуемого периода. Репрезентативность законодательной и исполнительной деятельности государственных органов власти полностью определяли правовое поле функционирования всей системы сохранения культурного наследия губерний ЦПО.

Вторую группу источников составили делопроизводственные материалы, которые включают документы центральных и местных органов памятникоохранных структур. Делопроизводственная документация представлена отчетами Комитета по делам музеев и охраны памятников Главнауки Народного Комиссариата Просвещения и имуществ республики²⁷, документами центральных и местных музеев, отчетами членов научных организаций, отчетами об их экспедициях, разъяснениями по музейному строительству, протоколами Всесоюзных съездов воинствующих безбожников²⁸, справочной документацией губОНО, которые занимались разработкой и непосредственным воплощением в жизнь политики государства в отношении охраны памятников, краеведческих организаций²⁹. Сведения, отражающие более полно деятельность местных органов власти в исследуемом регионе, получены из фондов государственных архивов Владимирской, Тверской, Ивановской, Костромской, Ярославской областей и их филиалов. Работой по организации музейного дела в провинции занимались местные губернские подотделы по делам музеев, действовавшие при отделах народного образования, поэтому документы, освещающие процесс формирования органов управления музейным делом на местах, сосредоточены именно в фондах губОНО по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы³⁰. Деловая переписка губернского подотдела по делам музеев с центральными учреждениями дает представление о масштабе складывавшейся системы управления сохранением памятников и музейным делом в губерниях ЦПО, выделяя трудности, с которыми встречались его сотрудники на местах и пути их решения.

*Третья группа источников включает в себя статистические материалы*³¹. В них содержатся данные о количестве губернских церквей и монастырей,

Владимирской области. 1917—1977 гг.: Сборник документов. Ярославль, 1982; Культурное строительство в Ивановской области (1917—1987): Сб. документов. Ярославль, 1987.

²⁷ ГАРФ. Ф.А.-410. Народный комиссариат имуществ республики (1917—1918).

²⁸ ГАРФ. Ф.А.-5407. Центральный Совет союза воинствующих безбожников СССР (1925—1941); ГУ ЯО ГАЯО ЦДНИ. Ф.П.-913. Ярославский губернский совет Союза воинствующих безбожников (1925—1930); Ф.П.-918. Ярославский городской совет Союза воинствующих безбожников (1929—1933); Ф.П.-3378.

²⁹ Отчет Ярославского Естественно-исторического общества с 1913 по 1919 г. Ярославль, 1919; Положение о Костромской губернской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины // Отчет о деятельности КНОИМК за 1918 г. Кострома, 1919. С. 23.

³⁰ ГАВО. Ф.Р.-1045. Отдел народного образования Владимирского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; ГАКО. Ф.Р.-24. Костромской губОНО; ГАТО. Ф.Р.-488. Тверской губОНО; ГАЯО. Ф.Р.-178. Ярославский губОНО; ГАЯО. Ф.Р.-1007. Ярославский губернский подотдел по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы.

³¹ Брокгауз, Ф.А., Эфрон, И.А. Энциклопедический словарь. СПб, 1890—1904; Бюллетени Костромского губернского статистического бюро. № 3: Краткие статистические сведения о

церковных и монастырских ценностях. Интерес представляют сведения об официальном количестве реализованных предметов через систему Госторга.

Четвертой группой источников являются материалы периодической печати губерний ЦПО, являющиеся богатым и ценным материалом по изучаемой проблеме. Наибольший интерес для исследования темы диссертации представляет местная периодика³², отражавшая события, происходившие в той или иной губернии. Отношение к памятникам искусства и старины отчетливо проявляется с изменением идеологической составляющей в развитии общества.

Пятая группа источников — публицистика — произведения руководящих партийно-государственных деятелей — В.И. Ленина, И.В. Сталина, Н.И.Бухарина, А.В. Луначарского³³, Н.И. Троцкий³⁴, Е. Ярославского³⁵ отражают процесс разработки основных принципов и направлений политики советского государства в отношении памятников искусства и старины, а также связанные с ними вопросы религии и церкви. Работы В.И. Ленина и А.В.Луначарского, посвященные вопросам культуры, носили, скорее, характер наставления, чем исторического исследования, призывая сохранять старину и определять ценность наследия прошлого³⁶.

Сложность предмета диссертационного исследования, а также его взаимосвязь с другими науками обусловили разнообразие используемых методов для изучения рассматриваемого феномена культуры. В третьем параграфе диссертации «**Методология исследования**» отмечено, что при подготовке научной работы был использован классический метод историко-культурного исследования, который имеет все характеристики общенаучного метода, включающего анализ и синтез, индукцию и дедукцию. Использование синтеза подразумевало воссоединение конкретного события из более мелких составляющих, а индукции — перевода от частного к общему, зачастую вероятностному, положению. В условиях использования анализа как общенаучного метода позволяло двигаться от сложного к простому. Метод дедукции был использован с целью выведения из гипотезы следствий для развития ее содержания и объяснения наблюдаемых явлений³⁷.

В исследовании организации сохранения памятников искусства и старины губерний ЦПО был осуществлен подход как к комплексному гуманитарно-общественному знанию с учетом современного уровня науки и

приходских церквях Костромской епархии. Кострома, 1911; Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. М., 1960.

³² «Северная правда» (Кострома), «Рабочий край» (Иваново), «Известия Ярославского губисполкома», «Северный рабочий», «Гудок» (Ярославль), «Известия Владимирского губернского исполнительного комитета», «Ковровская беднота» (Владимир), «Призыв», «Гверская правда» (Тверь).

³³ Ленин, В. И. Переписка, доклады, документы. М., 1971.

³⁴ Троцкий, Н. Музейное строительство и революция // Наука и искусство. М.; Л., 1926. № 1. С. 29—53.

³⁵ Личный фонд Е. Ярославского // РГАСПИ. Ф.-89; Ярославский, Е. М. Против религии и церкви. 1932—1935. Т. 1-3. М., 1936.

³⁶ Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 2, 12, 23; Он же. Об атеизме, религии и церкви. М., 1980.

³⁷ Поляков, В. А. Проблема методологии в историческом исследовании: размышления к постановке вопроса // Вестник Саратовского социально-экономического университета. 2009. № 4; Парфенов, И. Д. Методология исторической науки. М., 2001.

междисциплинарных исследований: низший уровень научных методов — методы конкретно-проблемные — характеризуются их конкретностью, а методам высшего уровня — методам философским — присуща наибольшая обобщенность³⁸.

Принципы историзма, системности, объективности позволили достоверно рассмотреть организационную деятельность государственных и местных органов власти в деле сохранения памятников искусства и старины на местах как многомерный противоречивый процесс, избегая как односторонней критики, так и идеализации. Принцип историзма позволил выстроить логику происходивших событий в системе сохранения памятников не в отрыве от основных тенденций развития советского общества в заявленных хронологических рамках, а в соответствии с реальной исторической обстановкой того времени. Применительно к настоящему исследованию, принцип историзма предусматривает изучение особенностей развития системы сбережения культурных ценностей в исследуемом регионе с учетом конкретных исторических условий в хронологической последовательности. Он помогает выявить эволюцию развития процессов учета, сохранения в 1920-х гг., а затем и тенденции разрушения памятников искусства и старины в 1930-х гг. на территории губерний Центрально-промышленной области, осветить качественные изменения в данном процессе, определить исторические реалии перехода от одного этапа к другому³⁹.

Идеографический, историко-генетический, хронологический, историко-типологический, сравнительно-исторический, историко-феноменологический методы, метод системного анализа, а также метод психоистории позволили более полно раскрыть особенности становления и развития системы сохранения памятников искусства и старины губерний ЦПО в 1920—1930-х гг. как предмета исследования диссертации, выявить последовательность данных процессов во времени в совокупности с изменениями в системе местных органов власти, происходивших на различных этапах становления и развития памятникоохранного дела в губерниях ЦПО в 20—30-х гг. XX в.

Применявшаяся в диссертационном исследовании методологическая система философского материализма существенно помогла выстроить типичную для российской провинции модель определения места памятников истории и культуры в первые послереволюционные десятилетия, отразив реальную канву исторических событий, выявив соотношение закономерностей и случайностей в ходе культурно-исторического процесса.

Вторая глава работы **«ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ В ГУБЕРНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ».**

³⁸ Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003; Келле, В. Ж. Культура и история. Методологические заметки // Новая и новейшая история. 2006. № 1; Соколова, М. В. Теоретические основы изучения исторической памяти. М., 2008.

³⁹ Могильницкий, Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1989; Аванесова, Г. А. Методология анализа культуры, общества и человека в отечественном гуманитарном познании XIX—XX вв. // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 5.

Первый параграф **«Организационные основы государственной политики сохранения памятников искусства и старины»** отражает идею, согласно которой необходимым условием сохранения памятников искусства и старины наряду с действовавшим законодательством являлось наличие работоспособного аппарата. Организационные структуры подчас носили временный и чрезвычайный характер. Важно было создать единое учреждение, ведущее постоянную работу по массовому и полному выявлению памятников, их учету и сбережению.

Таким всероссийским органом стало структурное подразделение Наркомпроса РСФСР — Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Музейный отдел Главнауки НКП). Данный орган с 1918 г. разрабатывал основы государственной музейной политики, осуществлял ее претворения в жизнь, объединял деятельность отдельных музеев, придавал их работе планомерный характер. Музейный отдел НКП вплоть до 1927 г. возглавляла Н.И. Седова-Троцкая. Важнейшей составной частью деятельности отдела стало его взаимоотношение с учреждениями и органами охраны памятников на местах.

Еще одним государственным органом, функционировавшим с целью защиты и сбережения народного достояния, стал Народный комиссариат государственных имуществ РСФСР (НКГИ РСФСР), функционировавший в период с 1917 г. по 1918 г. Созданный на основе учреждения ранее причастного к ценностям государства (бывшего императорского двора) министерства государственных имуществ, комиссариат сконцентрировал в своих руках полномочия по распоряжению наиболее привлекательных в материальном отношении ценностей государства, содержа своих сотрудников на доходы, полученные от частичной реализации имущества.

С целью координации научных исследований теоретического профиля и пропаганды науки и культуры в 1921 г. создается единый государственный орган — Главное управление научными, научно-художественными, музейными учреждениями (Главнаука).

В диссертации отмечено, что декретами, постановлениями и инструкциями Совета Народных Комиссаров РСФСР государственная система сохранения памятников была юридически закреплена. В документах окончательно утверждалось право государственной собственности на памятники искусства и старины, на которые оно считало необходимым заявить свои права независимо от того, в чьем владении они находились. В нормативно-правовых актах появился и в дальнейшем стал широко употребляться музейными специалистами обобщающий термин «памятники искусства и старины» («культурные ценности»), была определена структура взаимодействия органов охраны памятников и распределены их функции. Впервые памятникам давалась классификация, близкая к современной, выделялись памятники зодчества, археологии, садово-парковой культуры, а также музейный фонд (музейное имущество).

Созданная система сбережения памятников искусства и старины и музейных коллекций не была изобретением представителей нового режима. Активно

использовались достижения созданных в дореволюционный период организаций по всей стране.

В ноябре 1917 г. по инициативе наркома просвещения А.В. Луначарского была организована Всероссийская коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства, которая подразделялась на две части: Петроградскую и Московскую. Главой Коллегии был назначен И.Э. Грабарь; с 1924 г. являлся заведующим Центральными государственными реставрационными мастерскими (ЦГРМ), заведующим подотделом Государственных музейных фондов. Именно Коллегии с декабря 1918 г. на региональном уровне стали подотчетны губернские подотделы народного образования (губОНО). Важно, что состав таких отделов включал в себя специалистов музейного дела и представителей новой власти.

Создавая новую систему правовых отношений в деле сохранения памятников искусства и старины, новая власть прибегла к эклектизму, пытаясь соединить отобранные дореволюционные правовые нормы, устраивавшие большевиков с так называемой «революционной» законностью и новые, такие как установление памятников, надписей, эмблем и гербов, «отражающих идеи и чувства революционной России»⁴⁰.

Процесс собирательства исторических и художественных ценностей шел двумя путями. С одной стороны, национализировались крупнейшие собрания, с другой — создавались незаменимая в сохранной деятельности система учета частных коллекций и отдельных, выдающихся по своему художественному значению экспонатов, единая учетная документация книг поступлений, инвентарных книг, паспортов, регистрационных карточек памятников как государственная система. В целом, несмотря на то, что послереволюционная ситуация в стране не способствовала длительному сохранению ценностей, а тем более привлечению внимания к более узкой задаче реставрации исторического наследия, в рассматриваемый период было накоплено немало положительных примеров диалога государства и общества в деле сохранения памятников искусства и старины.

Вместе с тем, с первых месяцев существования новой власти стало очевидно, что ее стремление сконцентрировать в своих руках максимум культурных ценностей имело достаточно простое объяснение. Движимые памятники искусства рассматривались как своеобразная валюта, с помощью которой можно было решить острые экономические и социальные проблемы. У властьпредержащих было свое понимание защиты памятников искусства и старины — с первых лет советской власти началась распродажа за границей культурных ценностей на государственном уровне.

И все же значение данного процесса трудно переоценить, понимая, что многие культурные ценности были спасены специалистами в сформированных музейных коллекциях.

Второй параграф **«Формирование памятникоохранных органов на местах»** отражает тот факт, что государственная система органов охраны памятни-

⁴⁰ См.: Декрет от 12 апреля 1918 г. «О памятниках Республики» // Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов / Сост. Г. Г. Анисимов. М., 1973. С. 15—16.

ков искусства и старины могла быть эффективной только при наличии разветвленной сети органов на местах. Отдельные структуры на местах стали появляться задолго до того, как Музейный отдел Наркомпроса начал их целенаправленно создавать. Это было обусловлено как общим охранительным направлением политики новой власти по отношению к культурному наследию, так и стремлением общественности на местах сохранить оказавшиеся под угрозой гибели художественно-исторические ценности.

С целью учета и регистрации памятников искусства и старины на местах при отделах народного образования губернских советов были созданы подотделы (комиссии) по делам музеев и охране памятников искусства и старины. В течение июня—ноября 1918 г. такие подотделы появились в 8 губерниях страны⁴¹. На 1 января 1922 г. по всей стране кроме 69 губернских был зарегистрирован 31 уездный орган охраны памятников. Из них, по подсчетам диссертанта, 6 губернских и 7 уездных подотделов находилось на территории губерний ЦПО. К середине 1920-х гг. они имели единые штаты, единое финансирование. Задачи деятельности были четко определены нормативно-правовыми документами, поэтому можно говорить о начале становления единой государственной сети органов сохранения памятников на местах.

В состав каждого из губподотделов входил представитель губернского отдела народного образования в качестве политического руководителя и несколько специалистов: музейный деятель, художник, архитектор, археолог, историк. Губернские подотделы, являясь частью губОНО, подчинялись и соответствующим губисполкомам. Вместе с тем, они должны были действовать под общим руководством Музейного отдела Наркомпроса. Таким образом, проводился принцип «двойной подчиненности», который использовался тогда при создании всех советских органов власти.

Предполагалось присоединение к большим центральным музеям в провинции «малых» музеев в качестве филиалов, объединение музеев, расположенных в пределах одного города и передача музеев и памятников, которые не представляли научной и культурной ценности в государственном масштабе, на содержание местных исполкомов. Приоритет отдавался выявлению своеобразия ЦПО, ее специфики и историко-культурного развития. Самой сложной являлась ситуация в деле сохранения памятников в Ярославле. 1 августа 1918 г. состоялось организационное заседание Комиссии по охране памятников искусства и старины. Обсуждались не только тяжелейшие последствия белогвардейского мятежа, но и проблема сохранения уцелевших памятников по всей губернии. По итогам заседания было принято решение об оказании материальной помощи местным органам власти с целью сохранения фондов.

Все изменения в системе сохранения культурных ценностей коснулись деятельности губернских подотделов по делам музеев и охраны памятников при отделе народного образования в губерниях ЦПО. В развернувшихся работах и мероприятиях губернского подотдела принимали участие известные деятели культуры (в Костромской губернии — В.И. Смирнов, А.И. Некрасов, И.А. и

⁴¹ Жуков, Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917—1920 гг.: дис... докт. ист. наук. М., 1992. С. 178.

Ф.А. Рязановский, Л.А. Большаков; в Ярославской губернии — Н.Г. Первухин, Д.В. Разов, А.И. Смирнов, И.А. Тихомиров, И.А. Лазарев; во Владимирской губернии — А.В. Смирнов, Н.В. Малицкий; в Тверской губернии — М.А. Кропоткин; Н.П. Рогожин, И.А. Виноградов, А.Н. Вершинский, М.В. Рубцов, А.А. Треплин, С.И. Капустин, Е.Е. Шаров). Благодаря их самоотверженной работе удалось спасти от гибели многие памятники истории и культуры. Профессиональные сотрудники губернских отделов, а нередко и Музейного отдела, не всегда имели четкого представления о том, что необходимо оценить историческую и художественную ценность, национализировать и вывезти в первую очередь. Сказалось отсутствие научно обоснованных критериев определения ценности памятников архитектуры, усадеб, культурных и церковных ценностей. Во многом процесс конфискации носил стихийный характер. Определяющую роль в данном случае играл субъективный фактор — профессиональные предпочтения эмиссаров Музейного отдела НКП и сотрудников региональных отделов по охране наследия.

Исторические здания губерний были разделены сотрудниками губмузеев на четыре категории. В первую категорию вошли «памятники общегосударственного значения», которые в случае ликвидации общин верующих подлежали передаче музейному отделу в целом с иконостасом и музейными вещами, и которые охранялись Музейным отделом. Вторую категорию составляли «памятники местного значения», которые в случае ликвидации общин тоже «переходят под охрану и ведение музея... все оставшееся имущество вывозится — музейное в музей, а не музейное — в исполком»⁴². В третью категорию зданий, «представляющих собой музейный интерес только со стороны внешней архитектуры», отнесены были церкви, из которых после закрытия «музей вывозит музейные вещи, после чего они утилизируются исполкомом для своих потребностей при условии сохранения в неприкосновенности внешней архитектуры»⁴³. К четвертой категории причислялись церкви, «не представляющие никакого музейного значения», в случае закрытия которых музей «вывозит музейные вещи, если таковые окажутся»⁴⁴.

Распределение губернскими подотделами памятников на категории, как показало диссертационное исследование, не защищало памятники от разрушения — меньше всего из церквей пострадали музейные объекты, относившиеся ко второй и третьей категории, поскольку ко второй категории специалисты отнесли памятники церковного зодчества, которые допускали совместное пользование Церкви и государственных музеев, устанавливая по возможности широкий музейный показ памятника.

Спасение оставленных владельцами культурных ценностей, формирование на их базе новых уникальных музеев, подготовка кадров были осуществлены благодаря согласованной деятельности центрального отдела и подчиненных ему сети губернских учреждений.

⁴² ГАВО. Ф.Р.-366. Оп. 1. Д. 272. Л. 102 об.

⁴³ ГАВО. Ф.Р.-366. Оп. 1. Д. 272. Л. 102 об.

⁴⁴ ГАВО. Ф.Р.-366. Оп. 1. Д. 272. Л. 104.

В третьем параграфе «Деятельность провинциальных музеев по сохранению памятников искусства и старины» отражена идея, согласно которой особая роль в пробуждении общественного интереса к сохранению губернских памятников искусства и старины принадлежала музеям, которые по самой своей сути должны были являться своеобразными научно-просветительскими и исследовательскими центрами.

Попытка создания целостной системы сохранения культурных ценностей предпринимается на I Всероссийской музейной конференции в 1919 г. Именно тогда прозвучали предложения о разработке единых государственных стандартов и приоритетов в деле сохранения памятников искусства и старины на местах с целью создания централизованной музейной сети и формировании такого понятия как «государственный музейный фонд»⁴⁵.

Документы подтверждают, что уже задолго до 1919 г. в большинстве губерний ЦПО началась перестройка системы сохранения музейного наследия. Инициатива создания музеев, в частности, в Ярославской и Владимирской губерниях принадлежала членам учёной архивной комиссии задолго до революционных событий 1917 г. Данные обстоятельства положительно повлияли на судьбу памятников в 1920-х гг. Комитеты по охране памятников старины и искусства при губернских отделах народного образования были трансформированы затем в губернские подотделы по делам музеев и охране памятников, отвечая за судьбу всех памятников истории и культуры в губерниях. Местные краеведы привлекались к деятельности музеев на местах, инициируемых государством. Основные мероприятия были сосредоточены на музеефикации памятников (в большей степени церковного имущества), а именно на проявлении совокупности норм и средств их учета, исследования и популяризации.

С одной стороны, исследователи, работавшие в сфере сохранения памятников искусства и старины являлись большими энтузиастами, с другой — им представлялось сложным удержаться от реализации личных интересов в том, что им приходилось описывать, вывозить и спасать. Кроме того, проводившие в большей степени административно-организационную работу по постановке на учет зданий и подготовке памятников архитектуры к реставрации губмузеи заключали арендные договоры с верующими по использованию древних монастырей в городах и окрестных селах. Взятые на учет храмы считались с этого момента отделениями музея, ответственность за их сохранность и поддержание в надлежащем виде как ценнейших памятников старины возлагалась на сотрудников музея.

Разработка системы музейного сохранения памятников ЦПО не означала ее фактической реализации. Памятники церковного искусства наиболее интересные в художественном отношении, подверглись вывозу в центральные музеи или складированию в местных. Из зданий и усадеб, покинутых бывшими владельцами, вывозилось огромное количество вещей, характеризовавших бытовую культуру эпохи. Вскоре собранных вещей оказалось так много, что те музеи ЦПО, которые имелись в губерниях, оказались не в состоянии принять огромное количество экспонатов. Тем самым, на практике к движимым памятни-

⁴⁵ Закс, А. Б. Всероссийский музейный съезд // Вопросы истории. 1980. № 12.

кам искусства и старины стало применяться разделение на три категории — музейные, экспортные и «в отход» (для столярных работ и сожжения).

С быстрым ходом закрытия церквей по городам губерний ЦПО непрерывно увеличивалось число памятников, переходящих в непосредственное ведение музейных органов, однако увеличения ассигнований не было. Отпускавшиеся кредиты были явно недостаточны. Ряд памятников оказывался в положении, близком к катастрофическому.

Третья глава «ПРАКТИКА ПАМЯТНИКООХРАННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В ГУБЕРНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ В 1920-Х ГОДАХ».

В первом параграфе «Мероприятия местных органов власти по выявлению и сохранению памятников искусства и старины в губерниях Центрально-промышленной области в 1920-х гг.» на основании документов и фактических данных подчеркивается, что основной задачей местных органов власти по отношению к памятникам старины и произведений искусства в 1920-х гг. являлись инициативы по их использованию.

К 1925 г. была закончена работа по ликвидации общин в монастырях, а, следовательно, передача общинам исторически значимых церквей и монастырских комплексов. Данная работа первоначально велась порайонно, представляя собой предварительную сводку церковных ценностей, которые необходимо оставить на музейном учете или снять с него. Ежеквартально составлялся инспекционный план обследования ряда губерний. Производственный план по учету и сохранению памятников и произведений искусства на 1924—1925 гг., выполненный музеями губерний ЦПО, включал в себя повторную регистрацию монументов и усадеб, а также мероприятия по защите их от разрушения. Дифференцированное отношение к памятнику зависело от определения категории, к которой он относился.

Первоочередной задачей музеев на тот период являлась перестройка научно-исследовательской деятельности согласно нуждам социалистического строительства. Затем исследовательским организациям было вменено провести тщательный учет и изучение революционных памятников. Обращалось внимание на необходимость большого охвата политпросветработой широких слоев рабочих и крестьян, который должен был проводиться с целью расширения доступности любому грамотному человеку, а не только специалисту. И, наконец, музеям необходимо было принять меры по укреплению их материальной базы. Кроме приспособления церковных зданий под нужды советского общества, начались первые разборы на кирпич памятников древнерусской архитектуры на основании положений циркуляра ВЦИК. Положение усугубляли экономические причины, препятствовавшие развитию охранной и реставрационной деятельности. Костромская периодика свидетельствует, что власти были, помимо удовлетворения хозяйственных нужд, озабочены выполнением идеологических функций борьбы с религией.

Изменения статусов памятников искусства и старины были связаны и с антирелигиозными мероприятиями, проводимыми организацией «Союз воинствующих безбожников» во главе с Е.М. Ярославским с 1925 г. Для музеев-храмов и монастырей данный период ознаменовался яростными нападками местных

властей, общественности, прессы, а также закрытием экспозиций, уничтожением убранства интерьеров, ликвидациями первых музеев. Начинаются ожесточенные нападки атеистически настроенных граждан на конкретные культовые памятники, сохраняемые в качестве музейных в Ярославле, Костроме и в других губернских городах ЦПО.

Главное требование радикально настроенной общественности было выражено в резолюции первой московской областной конференции Союза безбожников в 1925 г. Предлагалось «поставить перед Наркомпросом вопрос о немедленном пересмотре исторической и художественной ценности церквей, создав для этого авторитетную комиссию с привлечением в нее представителей общественных организаций, в том числе Союза воинствующих безбожников». Данный процесс проходил в различных направлениях. Первый заключался в лишении культовых памятников статуса музеев и статуса памятников. Второй — в их физическом уничтожении или превращении в склады, фабрики. В результате были закрыты музейные здания для посетителей на многие годы, часто — с уничтожением внутреннего убранства.

Отчеты памятникоохранных организаций, результаты которых приведены на страницах источников, свидетельствуют о высокой степени контроля над проводимыми мероприятиями, об ужесточении контроля в сфере финансов, о тотальном учете ценных предметов религиозного культа, о выявлении отсутствовавших в списках икон и облачений.

Во втором параграфе **«Участие местных органов власти в проведении реставрационных работ в губерниях Центрально-промышленной области»** на основании документальных данных и фактического материала подчеркивается, что мероприятия по сохранению памятников искусства и старины на местах могли быть эффективными при обосновании исторической ценности памятников в губерниях ЦПО.

Основную работу в данном направлении проводили сотрудники отделений по архитектурной и живописной реставрации при Музейном отделе Народного Комиссариата Просвещения РСФСР. Создание Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при вышеупомянутом органе власти положило начало формированию специального научного архива и справочной библиотеки по вопросам реставрации. В 1918—1919 гг. специалистами Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины под руководством И.Э. Грабаря было обследовано четыре крупнейших кремля (монастыря) в Москве, Ярославле, Ростове, Переславле-Залесском. В ходе экспедиций были проведены реставрационные мероприятия, в которых не допускались индивидуальные подходы восстановительной реконструкции того или иного памятника. Специалисты отделения, согласно отчетам по архитектурной реставрации, требовали проведения послыонных систематических и планомерных археологических раскопок относительно каждого памятника.

В Ярославле был сформирован специальный подотдел, зарегистрированный Наркомпросом в качестве подведомственного ему учреждения. Это дало возможность привлечь к восстановлению местных памятников древнерусского искусства ведущих исследователей К.К. Романова, П.П. Покрышкина. При участии ярославского губернского подотдела по делам музеев и охране памятников

искусства и старины под руководством А.И. Анисимова была также создана специальная мастерская по раскрытию памятников древней живописи, которая заложила основу формирования фондов музея древнерусского искусства, размещенных в Спасо-Преображенском монастыре.

Расчистка и изучение древнерусских икон велась сначала только в Ярославской губернии. Во Владимирском крае самые ценные памятники древнерусской живописи собирались и складировались с перспективой изучения их в дальнейшем. Все работы по восстановлению утрат раритетов велись только с разрешения комиссии за счет церковных приходов, что замедляло, но в то же время удешевляло для государства стоимость работ. С целью недопущения социальных волнений национализированные иконы были на время возвращены общинам верующих, которые брали на себя ответственность по их охране, ремонту и «поддержанию в чистоте и нормальном состоянии».

Комиссия по сохранению и раскрытию памятников древнерусской живописи одна из первых обнаружила связь икон владимирской и ярославской школ⁴⁶. До этого момента одни исследователи считали, что ярославская иконопись схожа с нижегородской, другие — настаивали на своеобразии местной иконы. Исследователями двадцатых годов было найдено подтверждение тому, что в домонгольский период произошло зарождение местных художественных традиций во Владимиро-Суздальской земле⁴⁷. Святейший Патриарх Тихон особой благословенной грамотой также поддержал деятельность ученых Комиссии по реставрации памятников искусства и старины, которые в первые годы советской власти прилагали все усилия к их спасению⁴⁸.

В диссертации отмечено, что реставрационные мастерские собрали в своих стенах первоклассных мастеров и известных специалистов в области русского и европейского искусства, которые с помощью современных на тот момент средств и методик раскрыли и отреставрировали древнейшие иконы письма Андрея Рублева и Дионисия Глушицкого, фрески Феофана Грека из владимирских и ярославских коллекций, вошедших затем в экспозиции центральных музеев страны.

В третьем параграфе диссертации **«Поддержка губернскими комиссиями процесса музеефикации религиозных ценностей»** акцентируется внимание на том, что вопрос об изъятии церковных ценностей в 1922 г. с проблемой музеефикации исследователями ранее не связывался.

В документах представителей органов советской власти на местах находим факты, подтверждающие административное давление на приходы губернских епархий задолго до рассматриваемых событий. Так, 23 января 1918 г. Владимирский губернский исполнительный комитет (владгубисполком) получил постановление за подписью члена петроградского военно-революционного комитета (ВРК) и руководителя бюро комиссаров ВРК М.И. Лациса о необходимости принять все имущество церкви «под строжайший контроль». Для успешного

⁴⁶ Грабарь, И. Э. Фрески Дмитриевского собора во Владимире // Русское искусство. 1923. № 2. С. 3.

⁴⁷ ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 19. Л. 65—65об.

⁴⁸ Грамота Святейшего Патриарха Тихона с благословением работы Комиссии по реставрации памятников искусства и старины. Август 1918 г. // ОР ГТГ. Ф.-68. Д. 257.

выполнения поставленных задач были созданы две структуры одновременно. «Явная», оформленная в форме губернской комиссии по изъятию ценностей и «секретная» при губкоме. Последняя имела широкие полномочия — от подбора необходимых кадров до общего руководства и контроля над изъятием церковных ценностей. Именно ими на основании инструкции из центра было составлено жесткое указание о правилах «работы», где запрещались любые компромиссы, особенно при сопротивлении духовенства.

В храм или монастырь приходили члены городской подкомиссии, имея при себе письменное предписание на изъятие церковных ценностей, выданное губкомиссией. В присутствии представителей общины и служителей церкви изымались ценности. Согласно описи инвентарных книг церкви, составленных общинами еще в 1918 г., имущество означенного храма опечатывалось. Затем составлялся протокол, заверенный печатью губисполкома. В губфинотдел сдавалась квитанция о количестве полученного. Нигде и никогда точно не оговаривалось, сколько ценностей необходимо изъять, поскольку не была известна точная сумма церковных памятников искусства и старины той или иной губернии. Требовалось лишь одно — собрать как можно больше ценностей. Согласно отчетам губкомиссий, были утверждены несколько очередей изъятия их из церквей. Отчеты губкомиссий составлялись по результатам кампании по изъятию церковных ценностей из наиболее богатых храмов и монастырей⁴⁹. Исследуя источники, связанные с деятельностью Ярославской губкомиссии по изъятию церковных ценностей в 1922 г., отметим, что из 33 церквей и монастырей губернии были изъяты: золота — 22 ф. 83 зол., более 1381 штук драгоценных камней, из них бриллиантов — 405 шт., алмазов — 218 шт. и др.⁵⁰.

Изъятые церковные ценности делились на несколько категорий. Драгоценные металлы сдавались в финорганы, историко-художественные ценности — в музей, обиходное имущество и прочий «инвентарь» — на распродажу. Многие «реализовано», то есть продано частным лицам, а вырученные деньги переданы в губОНО, в артель инвалидов, ковровый трест, горкоммунхоз и другие организации.

Нами доказано, что кампания по изъятию церковных ценностей не могла благоприятствовать упрочению контактов между властью и представителями музейных отделов, религиозных и общественных организаций. В ходе проводимых мероприятий в губерниях ЦПО было уничтожено и навсегда утеряно большое количество ювелирных изделий и произведений, которые имели исключительное историческое и художественное значение. В ходе музеефикации предметов старины иконы и священные сосуды, превращаясь в музейные объекты, теряли дух церковной жизни, ритуалов и целостность их восприятия.

Положительным моментом музеефикации являлась реставрация некоторых церковных ценностей, что способствовало их сохранению для мировой культуры. Произведения религиозного искусства, проданные в 1922 г. за рубеж, были сохранены в запасниках частных музеев и коллекций.

⁴⁹ ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 2. Д. 1. Л. 11 об.

⁵⁰ ГАЯО. Ф.Р.-600. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.

Четвертый параграф **«Инициатива местных органов власти по сохранению памятников усадебной культуры»** связан с тем, что оценка усадебного наследия, в составе которого были уникальные памятники архитектуры, мемориальные сооружения, художественные коллекции и библиотечные собрания, в середине 1920-х гг. была неоднозначной. В процессе такой оценки учитывались все особенности усадьбы как архитектурно-художественного и историко-мемориального ансамбля. Вместе с тем, для многих сотрудников Наркомпроса и местных органов власти усадьба теряла всякое историческое и художественное значение, когда коллекции были из нее вывезены.

Усадебные ансамбли, подавляющее большинство которых было построено в конце XVIII—XIX вв., чаще всего не могли быть отнесены ни к высшей, ни к первой, ни даже ко второй и третьей категории, поэтому вопрос об охране таких усадеб не стоял.

Значительную помощь в обследовании памятников усадебной культуры, особенно в отдаленных местностях, оказывали уездные музейные подотделы. Опубликованное постановление владимирского губисполкома от 28 марта 1920г. обязывало всех владельцев (т.е. руководителей учреждений, обществ, частных лиц) художественно-исторических предметов представить в губернский музейный подотдел сведения о принадлежащих им памятниках искусства и старины.

Основным путем сохранения усадебных ценностей казался вывоз с данных территорий всех движимых художественных ценностей в уездные и губернские центры, а также в Москву. Следует отметить подвижническую роль более 20 эмиссаров из центра, в числе которых можно перечислить В.А. Мамуровского, А.И. Анисимова, С.А. Стороженко, В.Т. Георгиевского, П.С. Шереметева и других. Однако вывозы навсегда лишали усадьбы их овеществлённого культурного содержания, гибли усадебные парки и сады, забывались имена владельцев. После вывоза наиболее ценных произведений искусства в Национальный музейный фонд, в Румянцевский музей, в хранилище частных архивов, в библиотечный коллектор Музейного отдела Наркомпроса усадьбы ЦПО снимались с учета. В них согласно решениям волисполкомов устраивались совхозы, коммуны и трудовые артели.

Советская идеология требовала подвергнуть проверке на лояльность меуары, воспоминания, художественно-исторические описания усадеб. Это непосредственно отразилось на трактовке понятия «усадьба» в развернутом экономико-культурном смысле слова. Усадьба рассматривалась как место проживания видных деятелей науки и культуры (например, Борок — усадьба Н.А. Морозова, Карабиха — усадьба Н.А. Некрасова), или как арена угнетения крепостных крестьян.

Попытки трансформации функционального назначения усадьбы в 1920-е гг. были обречены на неудачу, благодаря существованию в обществе категорически отрицательного отношения не только к усадьбе, но и к дворянской культуре в целом. В 1920-х гг. предпринимались попытки организации нескольких усадебных музеев в ЦПО, за редким исключением потерпевшие крах из-за отсутствия необходимой охраны, обслуживающего персонала, элементарного финансирования и почти полного отсутствия посетителей.

Четвертая глава «НАПРАВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКООХРАННОГО ДЕЛА В ГУБЕРНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ В 1930-Х ГОДАХ»

Первый параграф «Уничтожение памятников храмовой архитектуры в период «воинствующего безбожия» отражает те мероприятия, согласно которым система сохранения памятников в губерниях ЦПО в конце 1920—начале 1930-х гг. подверглась изменениям. В номере от 15 января 1930 г. в газете «Правда» было опубликовано письмо руководителя Главнауки НКП И.К. Луппола, в котором сообщалось, что вышеуказанная организация «постановила 11 января 1930 г. снять с учета около 6000 памятников искусства и старины (из общего числа около 8000), из коих до 70 процентов являются памятниками церковной архитектуры»⁵¹. Данные цифры подтверждали курс, определенный Главнаукой НКП РСФСР на несколько лет вперед.

С 1926 г. начинается планомерная работа в губерниях ЦПО по сносу церквей. Представители власти во многом объясняли причины сноса хозяйственными целями, например, расширением транспортных проездов. С научнотехнической точки зрения большемерный кирпич использовался для целей научной реставрации. В ходе работ обмеры обеспечивались фотографической съемкой, устанавливалось научное наблюдение за разрушаемыми объектами, составлялись планы разрушенных памятников. В то же время реальная, основная и главная причина уничтожения культовых памятников заключалась в политике государства по борьбе с религией, в духе образной трактовки марксистско-ленинского понимания религии как опиума для народа.

Городские и уездные исполкомы из других городов посылали в ЦГРМ письма с информацией о необходимости разборки церквей. Архитектурный отдел ЦГРМ, куда обращались специалисты с ходатайствами или информацией о сносе храмов, очевидно, не справлялся с таким объемом заявлений. В отделе защищали преимущественно выдающиеся памятники, давая разрешения на слом церковей XVII—XVIII вв. Не возражая против разборки Воздвиженской церкви Ростова (XVII в.), реставраторы определили её как «не особо ценный памятник». Такая формулировка прочно вошла в обиход органов охраны памятников в конце 1920—1930-х гг. Воздвиженская церковь города Ростова была, возможно, первой из взорванных в губернских городах ЦПО.

В контексте собранного в диссертации материала подсчитано, что на территории исследуемых губернских центров была уничтожена 141 церковь — 50 % от всего количества памятников древнего зодчества губерний. Список храмов сократился в большей степени в Иваново и Костроме — 80 и 75 % сооружений соответственно было разрушено. Ярославская область потеряла 62 % храмов, а Тверская земля — 69 %. Относительно других губерний меньше всего церковей пострадало на Владимирской земле — 24%. Местные органы власти повсеместно поддержали политику государства, уничтожив памятники XVII—XIX вв. более чем на половину в каждой из губерний. Представители Центральных государственных реставрационных мастерских успели зафиксировать и замерить

⁵¹ Правда. 1930. 15 января. С. 3.

приготовленные к сносу памятники, тем самым, по мнению диссертанта, сохранив их данные в качестве исторических источников.

На основании анализа документов и фактических данных в диссертации подчеркивается, что утрата памятников культового зодчества повлекла за собой процессы разрушения в культурной среде, на всем территориальном пространстве ЦПО и смежных территорий. Все процессы 1930-х гг. были тесно связаны с государственной политикой, проводившейся в губерниях ЦПО, борьбой всеми способами с религией: от уничтожения христианских святынь и до физического устранения священников и верующих.

Во втором параграфе **«Исследование, переучет и сохранение музейных ценностей»** отмечается, что специалисты Музейного отдела Главнауки, Центральных государственных реставрационных мастерских, поддерживавшие научные связи с музеями ЦПО в 1930-х гг., решали проблемы исследования, учета и сохранения культурных ценностей по нескольким направлениям.

В комплексной и многоплановой деятельности ЦГРМ по сохранению памятников в губерниях Центрально-промышленной области важное место занимали методические разработки. Например, была продолжена разработка критериев разделения архитектурных объектов на категории, подготовки первого государственного списка памятников и оценка проблем регистрации памятников. В диссертации отмечается, что разработанный специалистами мастерских комплексный подход к распределению памятников на категории отражал, в первую очередь, их ценность. Мы солидарны с исследователем О.В. Галковой, которая считает, что в данной классификации ценность памятника выступала как субъективная, оценочная категория, отражавшая, в первую очередь, вклад того или иного памятника в мировое или национальное искусство и художественную культуру⁵². Впервые также была сделана попытка выстроить некую иерархию памятников, разделив их на три неравнозначные категории в зависимости от их ценности. При всем том, что была отмечена их историческая и архитектурно-археологическая ценность, хронологический признак необоснованно считался важнейшим для определения художественной ценности того или иного сооружения.

Исследователями ЦПО подвергалось критике существующее состояние системы охраны памятников, специалистами отмечались факты нарушения законодательства, такие как порча и уничтожение памятников без фиксации, уклонение хозяйственных органов от поддержания в должном порядке используемых сооружений, беспризорное состояние ценностей музейного значения, бесконтрольные ремонты, реставрации и переделки. Музейными работниками выдвигалось требование о создании узаконенной сети местных органов охраны памятников, предлагалось сохранить в качестве городов-музеев «наиболее показательные исторические пункты» и многое другое. С другой стороны, необходимость сохранения памятников искусства и старины активно сочеталась с декларировавшимися с высоким трибун требованиями по использованию данных сооружений. Тем самым, по мнению

⁵² Галкова, О.В. Проблема типологизации памятников истории и культуры// Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 3. С. 96.

Д.А.Равикович, музейные органы были поставлены в сложное положение⁵³. Сначала они учитывали памятники архитектуры, затем, переведя их в жилой фонд, сдавали под различные нужды.

В 1930-х гг. непосредственной задачей сотрудников Ивановского областного музея как головного объединения области стало руководство и курирование работы музеев бывших четырех областей. На протяжении всего периода существования ИПО директорат и сотрудники музея постоянно находились в командировках на всей территории области, посещая музеи Ярославля, Ростова, Борисоглебска, Рыбинска, Костромы, Суздаля, Владимира и других городов. Широко был и спектр решаемых вопросов — от обследования, инструктирования и ознакомления с «постановкой музейного дела» до заключения договоров на социалистическое соревнование.

Отсутствие бюджетной поддержки сбережения памятников искусства и старины на местах привело к фактическому уничтожению многих ценных объектов, к закрытию уникальных музеев в областях. Это являлось главной причиной многочисленных утрат историко-культурных объектов. Другая причина состояла в формировании в обществе и, прежде всего, в среде новой технической интеллигенции и служащих, сменивших старых специалистов, утилитарно-нигилистического отношения к культурному наследию. Положительным процессом в 1930-х гг. являлся тот факт, что в провинции сохранились интереснейшие экспозиции музеев. В диссертации отмечено, что именно губернские, уездные и волостные музеи стали хранителями памятников искусства и старины, спасенных на территории губернии. Посещение местными жителями провинциальных музеев было доступнее, чем центральных, что делало их важнейшими очагами культуры на местах. В стенах музея посетители через знакомство с историей своей малой Родины изучали прошлое своей страны.

В третьем параграфе **«Деятельность краеведческих обществ по сохранению исторических памятников»** отмечен тот факт, что активные усилия дореволюционных специалистов и нескольких тысяч активных и талантливых представителей рабоче-крестьянской молодежи и привели к формированию феномена «золотого десятилетия» российского краеведения.

Краеведческие исследования составляли одно из основных направлений деятельности музеев ЦПО. В музеях работало немало ученых, специалистов по истории, культуре местного края. Их усилиями были созданы экспозиции историко-бытового, древнерусского, естественно-исторического отделов, картинной галереи, которые отражали различные аспекты исторического развития регионов, из многочисленных археологических, архитектурных, художественных памятников.

Названный в свое время ленинским курс на привлечение интеллигенции к социалистическим преобразованиям в 1930-х гг. сменился вытеснением интеллигентов-профессионалов из руководящих памятникоохранных органов ЦПО. Работу краеведов необходимо было подчинить «социалистическому строительству». Тем самым критиковалась работа старых краеведов, их «буржуазно-

⁵³ Равикович, Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР 1917—1967 гг. // История СССР. 1967. № 2. С. 73.

кулацкие установки», утверждалась необходимость борьбы с аполитичностью в краеведении и укрепления ЦБК «марксистскими силами».

Ярославские краеведы В.Н. Бочкарев, Н.Г. Первухин, В.А. Перцев, А.А.Соколов, рыбинские краеведы А.А. и Д.А. Золотаревы, ведущие музейные сотрудники г. Ростова Д.А. Ушаков, Н.Н. Ржевский, В.А. Талицкий, П.С. Иванов, владимирские краеведы Л.С. Богданов, А.И. Иванов, директор Переславского музея М.И. Смирнов и его брат костромской краевед В.И. Смирнов были репрессированы. Другие отошли от научной деятельности, влача нищенское существование. Краеведение в губерниях ЦПО в 1930-х гг. было разгромлено. По подсчетам диссертанта, 16% всех краеведов указанной территории было репрессировано⁵⁴. Наибольшее количество исследователей пострадало в Костромском крае.

Таким образом, в 1930-е гг. изменилась направленность краеведческой деятельности, она отмечалась усилением идеологических установок. Краеведение в губерниях ЦПО практически остановилось после ликвидации Центрального бюро краеведения, его изданий и областных бюро. Была утрачена самая сильная его сторона — массовость. Изучение края стало уделом узкого круга лиц — работников архивов и музеев.

В **Заключении** диссертации сформулированы результаты исследования и подведены его итоги.

Достигнутые результаты диссертационного исследования позволили сделать следующие выводы. Несмотря на утилитарную составляющую проводимой памятникоохранной политики государства по всей стране и, в том числе, в губерниях Центрально-промышленной области, местным органам власти, краеведам и заинтересованной общественности удалось сохранить часть культурных ценностей. В первые послереволюционные годы руководство страны было заинтересовано в сохранении культурного прошлого, объявляя его «достоинством народа». В 1930-х гг., посчитав, что «полезность» сохраняемых культурных ценностей исчерпана, государственная власть усилиями местных органов власти попыталась исключить целый пласт культурных объектов из памятникоохранительного оборота.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. Личак, Н. А. Охрана памятников истории и культуры в Верхнем Поволжье в начале 1920-х гг. / Н. А. Личак // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена: Научный журнал. - СПб, 2009. - № 97. - С. 28-35. - 0,6 п.л. (*журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ*).

2. Личак, Н. А. Памятники искусства и старины в контексте государственной политики Советской России в начале 1930-х гг. / Н. А. Личак // Научные проблемы гуманитарных исследований. - Пятигорск, 2010. - Вып. 2. - С. 127-

⁵⁴ Сизинцева, Л. И. Материалы о разгроме костромского краеведения в 1930—1931 гг. // Археографический ежегодник за 1991 г. М., 1994. С. 124; Книга памяти жертв политических репрессий Калининской области: мартиролог 1937—1938. Тверь, 2000. Т. 2.

135. – 0,7 п.л. *(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.

3. Личак, Н. А. Противоречия в системе охраны памятников в Советской России во второй половине 1930 гг. / Н. А. Личак // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». - 2010. - № 4/5. - С. 68-74. – 0,6 п.л. *(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.

4. Личак, Н. А. «...Сметем с полей очаги религиозной заразы!»: уничтожение ярославских храмов в 1930-х гг. / Н. А. Личак // Научные проблемы гуманитарных исследований. - Пятигорск, 2010. - Вып. 3. - С. 64-71. – 0,8 п.л. *(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.

5. Личак, Н. А. «Еще недавно Кострома являлась одним из красивейших городов Верхнего Поволжья...»: разрушение костромского церковного зодчества в 1930-х гг. / Н. А. Личак // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». - 2010. - № 7. - С. 46-53. – 0,5 п.л. *(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.

6. Личак, Н. А. Разрушение памятников церковного зодчества в Иваново-Вознесенской губернии в 1920—1930-х гг. / Н. А. Личак // Известия Тульского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». - Вып. 2. - Тула: Изд-во ТулГУ, 2010. - С. 83-92. – 0,5 п.л. *(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.

7. Личак, Н. А. Система охраны памятников Советской России во второй половине 1930-х гг. / Н. А. Личак // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». – 2010. - № 16. – С. 202-209. – 0,5 п.л. *(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.

8. Личак, Н. А. Административные меры по сохранению культурного наследия в Советской России в 1920-х гг. / Н. А. Личак // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». - 2011. - № 3 (17). - С. 22-28. – 0,6 п.л. *(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.

9. Личак, Н. А. Памятники усадебной культуры Верхнего Поволжья в 1920-х гг. / Н. А. Личак // В мире научных открытий. - 2011. - № 11.3 (Гуманитарные и общественные науки). - С. 843-849. – 0,3 п.л. *(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.

10. Личак, Н. А. Разрушение памятников церковной архитектуры г. Владимир в 1920—1930-х гг. / Н. А. Личак // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. - Тамбов, 2011. – № 4 (10). – Ч. III. - С. 85-88. – 0,3 п.л. *(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.

11. Личак, Н. А. Роль И.Э. Грабаря в сохранении культурного наследия Ярославля в 1920-х гг. / Н. А. Личак // В мире научных открытий. - 2015. - № 1 (Со-

циально-гуманитарные науки). - С. 287-297. - 0,4 п.л. *(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.

12. Личак, Н. А. Деятельность отделений по реставрации памятников искусства и старины Наркомпроса в Ярославской, Владимирской губерниях в 1918—1919 гг. / Н. А. Личак // В мире научных открытий. - 2015. - № 3.7 (Социально-гуманитарные науки). - С. 3146-3159. - 0,4 п.л. *(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.

13. Личак, Н. А. Изъятие церковных ценностей в Костромской губернии в 1922 г. / Н. А. Личак // Университетский научный журнал. Серия «Филологические и исторические науки, искусствоведение». - 2015. - № 11. - С. 20-27. - 0,4 п.л. *(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.

14. Личак, Н. А. Понятие «памятник искусства и старины» в законодательстве Советской России 1920—1930-х гг. / Н. А. Личак // Ярославский педагогический вестник. - 2015. - № 4. - С. 316-321. - 0,6 п.л. *(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.

15. Личак, Н. А. К вопросу об унификации понятия «памятник искусства и старины» в 1920-х гг. / Н. А. Личак // В мире научных открытий. - 2015. - № 9.1 (Социально-гуманитарные науки). - С. 15-28. - 0,6 п.л. *(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.

16. Личак, Н. А. Уничтожение памятников искусства и старины в Центрально-промышленной области в 1920—1930-х гг. / Н. А. Личак // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». - 2015. - № 4 (45). - С. 98-102. - 0,6 п.л. *(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.

17. Личак, Н. А. Создание музейной системы во Владимирской губернии в начале 1920-х годов / Н. А. Личак // Ярославский педагогический вестник. - 2015. - № 5. - С. - 0,4 п.л. *(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.

18. Личак, Н. А. М. И. Смирнов: краевед и музейный деятель / Н. А. Личак // Теория и практика общественного развития: международный научный журнал. - 2015. - № 18. - С. 214-216. - 0,3 п.л. *(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.

19. Личак, Н. А. Деятельность провинциальных музеев по сохранению памятников искусства и старины Тверской губернии в 1920-х гг. / Н. А. Личак // Ярославский педагогический вестник. - 2015. - № 6. - С. 302-304. - 0,3 п.л. *(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.

20. Личак, Н. А. Н. И. Седова-Троцкая как организатор и руководитель сохранения памятников искусства и старины в губерниях Советской России в 1920-х гг. / Н. А. Личак // Ярославский педагогический вестник. - 2016. - № 1. - С. 287-291. - 0,3 п.л. *(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ)*.

21. Личак, Н. А. Сохранение и восстановление памятников истории и культуры Верхнего Поволжья (1917—1930 годы). Монография / Н. А. Личак. - Ярославль, ООО «ЯрМедиаГруп», 2008. - 183 с. - 7 п.л.

22. Личак, Н. А. Охрана памятников Верхнего Поволжья в послереволюционное десятилетие. Монография / Н. А. Личак. - Саарбрюккен: Ламберт Академик Паблшинг, 2011. - 185 с. - 7 п.л.

23. Личак, Н. А. Сохранение памятников архитектуры в Ярославле (1918—1921 гг.) / Н. А. Личак // Социальные и гносеологические проблемы общества: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. Л.П. Размолодина. - Ярославль: ООО НТЦ «Рубеж», 2006. - Вып. 2. - С. 288-292. - 0,4 п.л.

24. Личак, Н. А. Сохранение и восстановление памятников архитектуры города Твери в 1918—1930 гг. / Н. А. Личак // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ: заоч. межрегион. универ. науч.-метод. конф./ Под ред. А.В.Бородкина. - Ярославль: Изд-во «Литера», 2008. - С. 255-259. - 0,4 п.л.

25. Личак, Н. А. Роль П.Д. Барановского в сохранении культурного наследия города Ярославля в 1920-х гг. / Н. А. Личак // Актуальные проблемы научного знания в XXI веке: сб. науч. тр. - Рубцовск; Барнаул: Изд-во АГУ, 2008. - С. 240-245. - 0,4 п.л.

26. Личак, Н. А. Сохранение памятников архитектуры в Ярославле (1918—1930 гг.) / Н. А. Личак // Социальные и гносеологические проблемы общества: сб. науч. тр. - Вып. 3. - Ярославль: ЯГТУ, 2008. - С. 202-208. - 0,4 п.л.

27. Личак, Н. А. Законодательные инициативы Советского правительства в области охраны культурного наследия в 1917—1918 гг. / Н. А. Личак // Российская государственность и право: современное состояние и перспективы развития. Статьи и доклады VIII межд. научн.-практ. конф. МЭСИ, 23 мая 2008 г. - М.: МЭСИ, 2008. - С. 486-490. - 0,3 п.л.

28. Личак, Н. А. П.Д. Барановский — краевед и общественный деятель / Н. А. Личак // Российская семья: историко-психологический портрет: Матер. XXIV Всеросс. науч. конф. 15—16 декабря 2008 г. В 2 ч. - Ч. 2. - СПб: Нестор, 2008. - С. 47-51. - 0,4 п.л.

29. Личак, Н. А. Сохранение культурного наследия г. Ярославля в 1920-х гг. под руководством И.Э. Грабаря / Н. А. Личак // Человек в пространстве культуры. II Всеросс. науч. конф., посвященная основателю университета П.Г.Демидову. 28—29 января 2009 г. - Ярославль: ЯрГУ, 2009. - С. 147-150. - 0,2 п.л.

30. Личак, Н. А. Деятельность государственных органов власти по спасению памятников г. Ярославля в 1920—1930 гг. / Н. А. Личак // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ: заоч. межрегион. универ. науч.-метод. конф./ Под ред. А.В. Бородкина. - Ярославль: Изд-во «Литера», 2009. - 0,4 п.л.

31. Личак, Н. А. Деятельность органов местной власти по сохранению культурного наследия во Владимирской губернии в 1920-х гг. / Н. А. Личак // XX век в истории России: актуальные проблемы: сб. ст. / Под ред. С.Д. Морозова. - Пенза: РИО ПГСХА, 2009. - С. 54-57. - 0,2 п.л.

32. Личак, Н. А. Исследовательские работы ЦГРМ по изучению архитектурных особенностей древнерусских памятников в Верхнем Поволжье в начале

1920-х гг. / Н. А. Личак // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ: заочная межрегион. университет. науч.-метод. конференц./ Под ред. А.В.Бородкина. - Ярославль: Изд-во «Литера», 2009. – С. 263-266. – 0,2 п.л.

33. Личак, Н. А. Проблемы государственного финансирования охраны памятников в 1930-х гг. / Н. А. Личак // Российская государственность и право: современное состояние и перспективы развития. IX межд. научн.-практ. конф. - Ч. 3. - М., 2009. – С. 60-65. – 0,4 п.л.

34. Личак, Н. А. Направления работы Первой Всероссийской реставрационной конференции 1921 г. / Н. А. Личак // «Век нынешний, век минувший ...»: Ист. альм. / Под ред. Ю. Ю. Иерусалимского. - Вып. 8. – Ярославль: ЯрГУ, 2009. - С. 102-109. - 0,6 п.л.

35. Личак, Н. А. Уничтожение церковных колоколов в Костромской губернии в 1920—1930-х гг. / Н. А. Личак // Государство, общество, церковь в истории России XX века: IX Межд. конф. – Иваново: Изд-во ИГУ, 2010. - С. 112-114. – 0,4 п.л.

36. Личак, Н. А. Проведение экономической и антирелигиозной политики государства в Костромской губернии в 1920—1930-х гг. через изъятие колоколов / Н. А. Личак // Научное творчество XXI века: II Всеросс. науч. конф. с межд. участ. - Красноярск, 2010. – С. 125-130. - 0,4 п.л.

37. Личак, Н. А. А. И. Анисимов: историк, исследователь, реставратор / Н. А. Личак // Социальные и гносеологические проблемы общества: сб. науч. тр. – Ярославль: ЯГТУ, 2010. - Вып. 4. – С. 99-106. - 0,3 п.л.

38. Личак, Н. А. Тенденции развития государственно-церковных отношений Верхнем Поволжье в 1920-х гг. / Н. А. Личак // Человек в пространстве культуры: межкультурные отношения и динамика национального развития: матер. III Межд. научн. конф., посвященной основателю университета П.Г. Демидову и 1000-летию г. Ярославля / Отв. ред. В. В. Томашов. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – С. 156-163. - 0,4 п.л.

39. Личак, Н. А. Закрытие церкви в селе Черная заводь Некрасовского района в 1938 г.: по материалам архива Филиала ГУ ЯО ГАЯО — ЦДНИ / Н.А. Личак // «Век минувший, век нынешний...»: ист. альм. / Под ред. Ю. Ю. Иерусалимского, В. П. Федюка, В. М. Марасановой. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – Вып. 9. – С. 167-171. – 0,3 п.л.

40. Личак, Н. А. Антирелигиозная деятельность партийной фракции ярославского губсовета «Союза воинствующих безбожников» в 1920—1930-х гг. / Н. А. Личак // «Ярославль - центр княжества, губернии, области. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления», международ. университет. науч.-практ. конф., посвященная 1000-летию Ярославля и в связи с 25-летием подписания Европейской хартии о местном самоуправлении (1985 г.). Матер. конф. 20—21 апреля 2010 г. – Ярославль: Изд. ЯФЛГУ имени А. С. Пушкина», 2010. – С. 85-88. – 0,2 п.л.

41. Личак, Н. А. Сохранение памятников храмового искусства Владимирской губернии в начале 1920-х гг. / Н. А. Личак // Церковь в истории и культуре

России: сб. мат. межд. научн. конф. 22—23 ноября 2010 г. - Вятка: Вятский гос ун-т, 2010. - С. 288-291. – 0,3 п.л.

42. Личак, Н. А. Классификация памятников искусства и старины в первые годы советской власти / Н. А. Личак // Наука и современность – 2010: сб. матер. III Межд. научн.-практ. конф. В 3 ч. Часть 1 / Под ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. - С. 102-106. – 0,5 п.л.

43. Личак, Н. А. К вопросу об изъятии церковных ценностей в Ярославской губернии в 1922 г. / Н. А. Личак // В мире научных открытий. - 2010. - № 2 (08). - Ч. 1. - С. 74-77. – 0,3 п.л.

44. Личак, Н. А. Особенности проведения экономической и антирелигиозной политики государства в Костромской губернии в 1920—1930-х гг. / Н.А.Личак // В мире научных открытий. - 2010. - № 2 (08). - Ч. 2. - С. 112-114. – 0,3 п.л.

45. Личак, Н. А. «...ибо ни за что на свете Советской власти не отдадим: деятельность губ подотдела по делам музеев и охраны памятников на Костромской земле в 1920-х гг.» / Н. А. Личак // Государство, общество, церковь в истории России XX века: матер. X межд. научн. конф. 16—17 февраля 2011 г. - Иваново: Изд-во ИГУ, 2011. - Ч. 2. - С. 123-129. - 0,3 п.л.

46. Личак, Н. А. Продажа предметов искусства в РСФСР за границу 1928г. / Н. А. Личак // Человек в пространстве культуры: «русский мир» в контексте полилога культур». IV Международная научная конференция, посвященная основателю университета П.Г. Демидову и 40-летию воссоздания Ярославского государственного университета, 15-летию возвращения имени П.Г.Демидова Ярославскому университету. 28—29 января 2011 г. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. - С. 93-96. – 0,3 п.л.

47. Личак, Н. А. Историко-культурные ценности в первые годы ВОВ / Н.А. Личак // Научное мнение: Научный журнал. – СПб: Книжный дом, 2011. - № 2. - С. 21-25. – 0,4 п.л.

48. Личак, Н. А. Методы исследования государственной системы охраны памятников истории и культуры Верхнего Поволжья (1918-1941 гг.) / Н.А.Личак // Модернизация как условие развития современной России: Статьи и доклады XI Межд. научн.-практ. конф. Москва 27 мая 2011 г. / Под ред. П.Ю.Федорова, Н.М. Чепурновой, Н.С.Чучунова. – М.: МЭСИ, 2011. - С. 123-127. – 0,3 п.л.

49. Личак, Н. А. Вопросы реституции церковных ценностей / Н.А. Личак// Российская государственность и право: современное состояние и перспективы / Под ред. С.В. Зуевой. - Ярославль: Изд-во Городской методический центр по вопросам развития городского самоуправления, 2011. - С. 38-42. – 0,3 п.л.

50. Личак, Н. А. Памятники храмового искусства г. Владимира в 1920-1930-х гг. / Н. А. Личак // «Путь святости Земли Ярославской»: I межд. научн.-практ. конф. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – С. 80-85. – 0,3 п.л.

51. Личак, Н. А. Репрессии против советских краеведов в 1920—1930-х гг. / Н. А. Личак // Актуальные проблемы науки: сб. науч. тр. по мат-ам межд. научн.-практ. конф. 27 сентября 2011 г.: в 6 частях. Ч. 2. - Тамбов: изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2011. – С. 83-84. – 0,2 п.л.

52. Личак, Н. А. Памятники истории и культуры в Советской России (1917—1938 гг.) / Н. А. Личак // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Матер. X Межд. научн. конф. 16-17 февраля 2012 г. - Иваново: Изд-во ИГУ, 2012. - Ч. 2. - С. 87-93. – 0,4 п.л.

53. Личак, Н. А. Особенности проведения общероссийской кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 г. / Н. А. Личак // Теоретические и прикладные проблемы науки и образования в XXI в.: межд. заочн. науч.-практич. конф. 31 января 2012 г. - Тамбов, 2012. - С. 76-78. – 0,2 п.л.

54. Личак, Н. А. Организация памятникоохранных мероприятий в Костромской губернии в начале 1920-х гг. / Н. А. Личак // Романовские чтения. Кострома и судьбы российской государственности: матер. конф. 15–16 марта 2012 г. - Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2012. - С. 166-168. – 0,3 п.л.

55. Личак, Н. А. Верхневолжские музеи в деле охраны памятников в 1930-х гг. / Н. А. Личак // Облик российской провинции: исторические и социокультурные проблемы: V Межд. Стахеевские чтения: Матер. научн. конф. – Елабуга, 2012. - С. 472-478. – 0,5 п.л.

56. Личак, Н. А. Утрата храмов Верхнего Поволжья в начале 1930-х гг. / Н. А. Личак // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Матер. XI Межд. науч. конф. 21 февраля 2013 г. - Иваново: Изд-во ИГУ, 2013. - Ч. 2. – С. 512-518. – 0,4 п.л.

57. Личак, Н. А. Православное краеведение в духовно-нравственном воспитании студентов / Н. А. Личак // Вопросы православного краеведения в школе и вузе: памяти святителя Дм. Ростовского. 24 декабря 2012 г. - Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2013. – 0,2 п.л.

58. Личак, Н. А. Состояние ярославского краеведения в 1930-х гг. / Н.А.Личак // Актуальные вопросы образования и науки. Сб. науч. тр. по матер. межд. науч.-практ. конф. 30 декабря 2013 г. - Тамбов, 2014. - Ч. 12. - С. 90-95. - 0,1 п.л.

59. Личак, Н. А. Ревитализация памятников Верхнего Поволжья как необходимый фактор культурной среды города / Н. А. Личак // IX Ямбургские чтения «Социально-экономические доминанты развития общества: история и современность». 4 апреля 2014 г. - Кингисепп, 2014. - С. 224-228. – 0,2 п.л.

60. Личак, Н. А. Ячейки Союза воинствующих безбожников в Верхнем Поволжье / Н. А. Личак // Наука сегодня: сб. науч. тр. по матер. межд. научн.-практ. конф. - Вологда: ООО «Издательский дом Вологжанин», 2014. – С. 41-42. – 0,2 п.л.

61. Личак, Н. А. Содержание охраны российских древностей в дореволюционный период / Н. А. Личак // Развитие российской государственности и Ярославский край: матер. всеросс. науч.-практ. конф. 27 ноября 2013 г. / Под ред. Ю.Ю. Иерусалимского. - Ярославль: ЯрГУ, 2014. - С. 353-359. – 0,4 п.л.

62. Личак, Н. А. Верхневолжские приходы и музеи в деле сохранения памятников искусства и старины в 1920-х гг. / Н. А. Личак // Государство, общество, церковь в истории России XX века: матер. XIII Межд. науч. конф. 12-13 марта 2014. - Иваново: Изд-во ИГУ, 2014. - Ч. 2. - С. 528-534. – 0,3 п.л.

63. Личак, Н. А. Значение исторического и культурного наследия в общественной жизни Ярославля в 1930-х гг. / Н. А. Личак // Роль Русской Православной Церкви в становлении и развитии российской государственности: Матер. всеросс. науч.-практ. конф. 20 ноября 2014 г. / Под ред. Ю.Ю. Иерусалимского. - Ярославль: ЯрГУ, 2015. - С. 392-399. – 0,3 п.л.

64. Личак, Н. А. Антирелигиозные музеи верхнего Поволжья в 1930-х гг. / Н. А. Личак // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Матер. XIV Межд. науч. конф. 18 марта 2015 г. - Иваново: Изд-во ИГУ, 2015. - Ч. 1. - С. 553-556. – 0,4 п.л.

65. Личак, Н. А. Формирование органов охраны памятников в Тверской губернии в начале 1920-х гг. / Н. А. Личак // Фундаментальные проблемы социально-экономического развития общества история и современность: X Ямбургские чтения. 10 апреля 2015 г. / Под ред. В.Н. Скворцова. – СПб, 2015. - С. 143-146. – 0,2 п.л.

66. Личак, Н. А. Изъятие церковных ценностей во Владимирской губернии в 1922 г. / Н. А. Личак // Научное мнение. - 2015. - № 7. – С. 36-40. – 0,4 п.л.

67. Личак, Н. А. Формирование понятия «памятник искусства и старины» в первые послереволюционные годы / Н. А. Личак // Научное мнение. - 2015. - № 8. – С. 86-91. – 0,5 п.л.

68. Личак, Н. А. Состояние краеведческих обществ Советской России в 1920—1930-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы XV Международной научной конференции. 23 марта 2016 г. - Иваново: Изд-во ИГУ, 2016. - Ч. 2. - С. 489-495. – 0,4 п.л.

Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 1.5

Тираж 150 экз. Заказ № _____

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»

150000, Ярославль, ул. Республиканская, 108.

Типография ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

150000, Ярославль, Которосльная наб., 44.